

Н. А. МУХИТДИНОВ

Река времени

<Фрагменты>

VII. XX съезд и Хрущев: реабилитация жертв репрессий

<...> Подготовка к XX съезду началась более чем за два года, — точнее, после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г., на котором Хрущев был избран Первым секретарем. В чем характерные особенности того предсъездовского периода? Хотелось бы отметить несколько моментов.

Существенно начали меняться стиль и методы работы высших органов партии и государства, что почувствовали и на местах, внутри нашей страны, и за рубежом.

У Сталина уклад работы и даже личной жизни был весьма сложным, отличавшимся от общепринятых норм. Он приходил на работу днем не ранее 11–13 часов, в то время как у всех работа начиналась в 9 утра. Сидел у себя до позднего вечера, даже до ночи, когда рабочий день у всех кончался в 18 часов. Ближайшее его окружение и аппарат, естественно, должны были сидеть, пока он находился у себя в кабинете, а на следующий день — приходить вновь к девяти часам.

В еще более трудном положении оказывались работники на местах, особенно мы, азиаты. Существовала неписаная традиция, что первые лица в областях и республиках сидели на работе до поздна, исходя из того, что вдруг может позвонить Сталин или кто-нибудь по его поручению. Разница во времени между Москвой и Ташкентом составляла три часа, и приходилось сидеть в кабинете до двух-трех часов ночи, а утром вставать не позже шести часов, когда с рассветом дехкане выходили на поля. Таков был вынужденный стиль работы. Когда я был Первым секретарем Наманганского, а затем Ташкентского обкомов партии, ни сам Сталин, ни кто-либо от его имени ни разу не звонили. Но, как и всем, нам тоже приходилось соблюдать такой совершенно ненормальный распорядок дня.

Новое руководство партии сразу же изменило стиль. Вошли в колею общегражданские правила, стали работать в нормальном режиме, что, безусловно, подняло продуктивность работы.

Раньше деятельность Политбюро, Секретариата, да и вообще все, что делалось в Кремле, было скрыто под завесой таинственности. Теперь же появилась некоторая гласность: то, что делалось в Кремле, начали освещать в печати, обсуждать и т. д. И это повышало интерес к работе.

Был и личный момент. Сталин редко бывал на местах, а Среднюю Азию не посетил ни разу. Народ видел его портреты или кадры кинохроники. Более четырех лет будучи Председателем Совета Министров республики, часто бывая на заседаниях союзного правительства, я всего лишь два раза видел, как он председательствовал на них.

Сменивший Сталина Хрущев был в этом отношении полной ему противоположностью. Сразу же стал ездить по республикам, краям, областям, запросто общаться с сельчанами, рабочими, обсуждая с ними государственные проблемы, советовался. Проводил в Кремле совещания то по одному, то по другому вопросам, приглашал на них не только номенклатурных руководителей, но и рядовых специалистов-профессионалов. Это поднимало на местах доверие и уважение к Никите Сергеевичу.

Он внес изменения и во внешнюю политику. У. Черчилль ввел в оборот выражение «железный занавес», имея в виду закрытость Советской страны, ограниченность ее контактов с другими странами. Активная, динамичная открытость Хрущева в вопросах внешней политики стала давать положительные результаты.

Во время визита в Югославию, например, Никита Сергеевич сразу же после приземления, прямо в аэропорту публично признал, что ответственность за серьезные разногласия между двумя странами несет прежде всего тогдашнее советское руководство. В те годы заметно участились поездки советских людей в зарубежные страны и визиты высоких иностранных гостей в СССР.

В разгар «холодной войны» лозунг «мирного сосуществования двух систем» прозвучал достаточно сильно и привлек большое внимание не только политиков, но и рядовых людей.

Однако в святая святых власти, в самом СССР, в Президиуме ЦК КПСС, обстановка обострилась. Камнем преткновения стал, естественно, вопрос о личной ответственности Сталина за массовые репрессии и о необходимости реабилитации их жертв.

В вопросе о реабилитации невинно пострадавших от массовых репрессий, как и все советские люди, мы в Узбекистане были в целом на стороне Хрущева. Но когда шла речь о личности Ста-

лина, его персональной ответственности за допущенные беззакония, о серьезных ошибках в начале войны и в других сферах, наши позиции не были одинаковыми. Нам казалось, что было бы несправедливо показывать в черном свете все, достигнутое советским народом в войне, в предвоенные и послевоенные годы, перечеркивать личную роль Сталина в этих достижениях страны.

К тому же, не скрою, тогда мне лично не были ясны в полной мере некоторые стороны личности Сталина. Например, почему он, Генеральный секретарь, не выступил сам с отчетным докладом о деятельности ЦК на XIX съезде партии, хотя и присутствовал на нем, а поручил сделать его одному из секретарей ЦК? Во время съезда он часто выходил из зала, на заседаниях вставал и ходил по фойе. Выступив, говорил всего лишь около пятнадцати минут, главным образом о мировом коммунистическом, рабочем, национально-освободительном движении и буквально ни слова о нашей стране, о советском народе и партии. Наконец, на Пленуме дважды просил не избирать его первым секретарем, предложил многоступенчатую структуру руководства партии, беспрецедентную в ее истории.

Только потом, когда он слег, из сообщений лечивших его врачей я понял, насколько серьезно был он болен. Гипертония и ревматические боли заставляли его вставать и ходить во время заседаний съезда. И ведь обращаясь с просьбой не избирать его Первым секретарем ЦК, он не отказывался от других обязанностей. Отсюда — навряд ли правильным было бы считать, что он просто «играет в скромность».

Уже в начале 1956 г. во время очередного пребывания в Москве я встретился с Пospelовым, который с улыбкой и вздохом облегчения сказал мне, что Хрущев сам взялся за все дела, связанные с репрессиями, а он только помогает в сборе документов. На заседаниях Президиума 1954–1955 гг. я не присутствовал, но мне рассказывали, что чем глубже Никита Сергеевич вникал в дела о репрессиях, тем больше проявлял эмоций — и соответственно усиливалась напряженность в высшем руководстве, разгорались споры, возникали разногласия.

Первоначально предполагалось, что Пospelов проинформирует XX съезд по этому вопросу. Затем стали говорить, что выступит кто-то из членов Президиума ЦК. Потом утверждали, что доклад делает Суслов. Но в конце концов Никита Сергеевич сам выступил на съезде...

Народ ожидал от съезда многого, надеясь, что он внесет существенные изменения во все сферы материального производства и духовной жизни.

Вызвала интерес и оживленно обсуждалась обнародованная повестка дня съезда, включавшая вопросы:

— Отчет Центрального Комитета КПСС; — Отчет Центральной ревизионной комиссии; — Директивы XX съезда КПСС по VI пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 годы; — О подготовке Программы КПСС; — Некоторые изменения в Уставе КПСС; — Выборы руководящих органов партии.

По обыкновению, незадолго до съезда в Москву пригласили нескольких членов ЦК для встречи и проводов иностранных делегаций. Меня вызвали за семь дней до открытия съезда. Сначала попросили зайти к ним помощники Никиты Сергеевича. Они, сославшись на поручение шефа, просили ознакомиться с текстами его докладов на съезде: Отчетом ЦК и «Культом личности Сталина». Предупредили, что сам он, закрывшись, работает над ними. Сказали, что эти тексты не окончательные, возможно, будут внесены изменения. На Президиуме ЦК оба документа будут рассмотрены через три дня.

В отведенной мне комнате я изучал документы почти целый день. Прочитал, высказал некоторые соображения. Обещали, что доложат о них Никите Сергеевичу.

На следующий день пригласили в отдел международных отношений. Там сообщили, что ожидается приезд на съезд делегаций 55 братских коммунистических и рабочих партий. Встречать их будут члены и кандидаты в члены Президиума. Меня просят принять участие во встречах и проводах делегаций Венгрии, Кореи, Вьетнама, Марокко, Уругвая и двух нелегальных партий, работавших в своей стране в подполье.

Поставили в известность, кто от отдела будет держать меня в курсе, сообщит заблаговременно, когда следует встречать и провожать. Затем сказали, что, кроме встречи и проводов в общей группе, я персонально прикрепляюсь для постоянной работы на протяжении всего съезда к следующим делегациям — Вьетнама во главе с Чыонг Тинем, Трудовой партии Кореи во главе с Цой Ен Геном, Компартии Индонезии во главе с Айдитом, Компартии Уругвая во главе с Арисменди.

В отделе организационной и кадровой работы заранее просили подумать о выступлениях. Сказали, что желательно, чтобы я выступил по Отчетному докладу, а Председатель Совета Министров С. Камалов — по директивам пятилетки.

Дни перед съездом были загружены до предела. Встречи иностранных делегаций по просьбе отдела международных сношений ЦК¹, подготовка к выступлению по Отчетному докладу, который просили продумать в отделе организационной работы. Предварительно намечались и согласовывались кандидатуры от Узбе-

кистана для выдвижения в состав ЦК и ревизионной комиссии. Поинтересовался, какие наметки у отдела. Ответили:

— Нам кажется, что было бы лучше выдвинуть в состав членов ЦК КПСС вас, кандидатами в члены ЦК — командующего Туркестанским военным округом А. А. Лучинского, второго секретаря ЦК Компартии Узбекистана Р. Е. Мельникова и Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ш. Р. Рашидова, членом Центральной ревизионной комиссии — С. Камалова.

Собрав членов бюро ЦК Компартии Узбекистана и первых секретарей обкомов партии, сообщил им о наметках Отдела ЦК КПСС. Вопросов и замечаний не было.

При обсуждении кандидатур на Политбюро было признано целесообразным включить в состав баллотирующихся в ЦК также и Я. С. Насриддинову, работавшую тогда заместителем Председателя Совета Министров Узбекистана. (Замечу, кстати, что все кандидаты от Узбекистана были избраны.)

Теперь о самом сложном вопросе. Выше говорилось, как туго проходила подготовка и предварительное обсуждение материалов о культе личности Сталина в Президиуме ЦК. Представители «сталинской гвардии» возражали против представленного проекта доклада, считали, что он может вызвать нежелательную реакцию внутри партии и за рубежом. Докладчиком, как они предлагали, должен выступить кто-либо из секретарей ЦК, но не первый. Никита Сергеевич настаивал на сохранении полного текста и на том, чтобы самому сделать доклад. Оппоненты продолжали упорно возражать, Хрущев проявил характер и заявил:

— В таком случае я беру на себя всю ответственность, сделаю этот доклад и оглашу документы о репрессиях, затрагивающие некоторых присутствующих здесь.

Понимая, естественно, о каких материалах и о ком идет речь, Маленков ответил:

— Мы тоже можем огласить документы, касающиеся тебя.

После небольшого перерыва состоялось новое обсуждение. В конце концов договорились о следующем. Никита Сергеевич, идя на уступки ради получения принципиального согласия, предложил:

— Давайте будем демонстрировать на съезде коллегиальность у нас в Президиуме и единство в руководстве. С этой целью вновь переизберем всех присутствующих здесь членов Президиума ЦК, избранных на совместном совещании 4–6 марта 1953 года. Доклад по культу личности сделаем на последнем заседании съезда, а само это заседание сделаем закрытым, без иностранных гостей и приглашенных.

Согласились. Затем договорились, что обсуждения доклада о культе личности не будет. Можно, мол, принять коротко решение, а потом, попозже, развернуть его в постановление ЦК КПСС.

Членам ЦК, работающим с иностранными делегациями, поручили сразу же после заседания встретиться с ними и перечислить основные положения доклада о культе личности Сталина и о намечаемых в связи с этим шагах. Так относительно благополучно завершилась последняя часть подготовки съезда.

Все вопросы повестки дня съезда, включая выборы, прошли, как всегда, гладко, без каких-либо осложнений.

Наступил день 25 февраля, день закрытого заседания. Председательствующий Булганин дал слово Хрущеву, объявив вопрос: «О культе личности и его последствиях». И сразу же в зале воцарилась тишина.

Никита Сергеевич подошел к трибуне, уверенно начал говорить. В первом ряду, слева от Булганина, оказались Ворошилов и Молотов, а сразу за ними, во втором ряду — Жуков и я. Георгий Константинович нагнулся к впереди сидящим, и они шепотом фиксировали каждое отклонение от уже обсуждавшегося текста. Я сосредоточенно следил за реакцией зала, а также, естественно, внимательно и взволнованно слушал доклад.

Сначала делегаты слушали Хрущева в напряженной тишине. Но вот постепенно то в одном, то в другом месте зала начала проявляться реакция на услышанное — возгласы в виде поддержки, одобрения или возмущения, иногда вспыхивали аплодисменты. Никита Сергеевич много раз отклонялся от текста и говорил от себя. Именно эти моменты своей откровенностью и искренностью вызывали наибольшие эмоции. Наконец он закончил, и зал, находившийся в начале доклада в шоковом состоянии, теперь аплодировал ему. Договорившись о том, что сейчас нецелесообразно проводить обсуждение, приняли документ: *Постановление XX съезда Коммунистической партии Советского Союза по докладу тов. Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» (принято единогласно 25 февраля 1956 г.)*.

Заслушав доклад тов. Н. С. Хрущева о культе личности и его последствиях, XX съезд Коммунистической партии Советского Союза одобряет положения доклада Центрального Комитета и поручает ЦК КПСС последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности партийного руководства, выработанных великим Лениным.

26 февраля мы все были заняты с утра встречами с иностранными делегациями для того, чтобы сообщить им о докладе Хрущева и принятом решении о культе личности.

Мне довелось встретиться с делегациями Венгрии, Вьетнама, а также с представителями одной нелегальной партии. Конечно, говорил с каждой делегацией отдельно. Должен сказать, что для них все это оказалось неожиданностью. Внимательно выслушав и задав по ходу несколько вопросов, они спрашивали об одном и том же: «Почему такая процедура? Нас даже не пригласили на заслушивание. Ведь там рассматривали чрезвычайно важный вопрос, касающийся не только КПСС, но и мирового коммунистического движения!» Спросили: «Будет ли направлена братским партиям официальная информация?» Ответил, что, по всей вероятности, да, так как через некоторое время будет принято и опубликовано развернутое постановление ЦК КПСС о культе личности. Спросили, предполагается ли опубликовать доклад Хрущева в печати. Ответил, что не предполагается, так как в информации, направляемой братским партиям, по существу, будут изложены все положения доклада.

Резюме бесед можно изложить так: в КПСС допущено немало отклонений от Устава и закона в годы репрессий. Надо было сказать народу правду. Видимо, на это и рассчитан доклад Хрущева. Вместе с тем он явился полной неожиданностью, как и сама форма рассмотрения данного вопроса. Это вызовет различные кривотолки — к сожалению друзей и радости врагов, которые поспешат использовать это во вред международному коммунистическому движению и нашей стране. Осложнения будут и у партий за рубежом. Теперь надо всесторонне продумать, как преодолеть возможные атаки, сохранить престиж и авторитет партии, уберечь коммунистов от разочарований.

Чтобы закончить данную тему, скажу: XX съезд стал важным форумом в жизни страны и партии. Поднятые на нем вопросы, особенно связанные с культом личности, при всех потерях и негативных моментах имели историческое значение. Не только сам Сталин при жизни, но и дух его после смерти, на XX съезде и в последующие годы, витал над партией, страной, миром. Настолько же важно было рассеять страх, поселившийся в душах, в умах, в речах! И насколько же трудно было это сделать, если прошло не так уж много времени, и решения XX съезда были на грани отмены...

Проводив гостей, делегаты выехали к себе в республики, края, области. Никита Сергеевич предложил новому составу Президиума и Секретариата собраться. Точно не помню, 28-го или 29-го собра-

лись в комнате Президиума. Это было не официальное заседание, а обычная деловая встреча. Он поздравил всех с избранием, выразил удовлетворение тем, что съезд прошел в целом нормально. Осуществили все, что наметили. Теперь главное — практическая работа, чтобы все, о чем договорились, своевременно и неуклонно осуществлялось. В этом решающую роль играют ЦК, правительство, Президиум Верховного Совета, а также союзные и местные органы.

Далее он сказал:

— У всех членов Президиума служебное положение ясно. Распределение обязанностей между секретарями ЦК осуществим позже, а сейчас хорошо было бы сосредоточиться в ближайшее время вот на чем. Товарищ Суслов, подготовьте, как мы уже договорились, проект постановления ЦК о преодолении отрицательных последствий культа личности Сталина. Привлеките к подготовке документа товарищей Поспелова и Мухитдинова, они в курсе дела. Товарищ Аристов, вы возьмите на себя изучение всего комплекса вопросов, связанных с репрессиями, и будете вносить конкретные предложения на предмет реализации по мере подготовки материалов. Товарищ Беляев, вы с товарищами из Казахстана и целинных земель России изучите уже проделанную работу по освоению целины и определите необходимую им помощь. Думаю, что хотя за два года сделано немало, нужно подкрепить целину техникой, людьми, создать им условия для переселения, выделить нужные финансовые и материально-технические ресурсы. Кроме того, Кунаев правильно сказал на съезде: нужно нам по-новому подходить и развернуть работу по резкому увеличению поголовья и продуктивности овцеводства в несколько раз, чтобы целина давала и зерно, и мясо.

Не успел он закончить свою мысль, как последовала реплика Ворошилова, резко обострившая обстановку. Он сказал, обращаясь к Хрущеву:

— Никита, ты забываешь или не знаешь Россию. Посмотри, в каком положении исконно русские области! В бедственном! Целые деревни, хутора запущены, сплошь бездорожье. Люди не могут одеться, обуться! Многие страдают от безработицы, отсутствия условий для жизни, а ты хочешь все больше государственных денег закопать в песках Казахстана!

Никита Сергеевич побагровел, вышел из себя и, еле сдерживаясь, заявил:

— Клим, ты сам полностью обеспечен, давно оторвался от народа и его жизни! А я хочу, чтобы у всех людей, в том числе и у русских, было для семьи, для детей вдосталь хлеба, мяса, жилья и работы.

К нему обратился Молотов:

— Ты сломаешь себе шею на целине.

На это последовал твердый, убежденный ответ:

— Запомни, Вячеслав: какие бы трудности и сопротивление ни были, мы добьемся цели!

Общее молчание. Вдруг Л. М. Каганович говорит:

— Мы договаривались на Президиуме, чтобы доклад о культе не публиковался. А за рубежом его уже опубликовали почти полностью. Кто это организовал? Чья эта «заслуга»?

Все молчат. Жуков спрашивает:

— Где и в каких газетах опубликовали?

— Мне сообщили, что в Польше, Италии и в других странах.

Тут же начался серьезный разбор доклада Хрущева, обвинения в том, что он самовольно приводил новые примеры по сравнению с утвержденным текстом, давал оценки по принципиальным вопросам вразрез с утвержденной линией.

Хрущев не сдавался:

— Я вас предупреждал о своем мнении. Утвержденный текст я зачитал, но и высказал в ряде случаев свое мнение. Никто не может запретить мне! Имею право, как любой другой человек! А что касается публикаций, давайте подумаем, как выйти из положения.

Булганин сказал:

— Нужно проверить, как могло случиться, что документы ЦК всего лишь через несколько дней появляются в печати за рубежом и весь мир узнает об этом. Надо поручить Серову расследовать и доложить.

Кто-то спросил, как же быть. Суслов ответил: — Просто не реагировать пока.

Хрущев заявил:

— В этой ситуации нам нужно ускорить направление информации местным партийным организациям, чтобы ознакомить всех рядовых коммунистов с материалами о культе личности. Секретариату — быстро подготовить. А вы, товарищ Суслов, примите меры, чтобы проект постановления о культе Сталина нам принять в течение 15–20 дней и опубликовать. Этим мы снимем возможные осложнения.

Маленков предусмотрительно добавил:

— Хорошо было бы со всеми документами (информацией и проектом постановления) заблаговременно ознакомить членов Президиума.

Хрущев отпарировал:

— Самое важное сейчас, чтобы коммунисты, наш народ и в мире сразу почувствовали, что все решения съезда мы будем выполнять и относимся к ним серьезно. Особое значение имеет реабилитация

пострадавших в 30-е годы. Публикация решений о реабилитации будет воспринята в стране и за рубежом как новый курс партии и государства, как свидетельство того, что у нас с XX съезда начинается поворот в политике в сторону демократии, справедливости, защиты прав людей.

На этом разошлись.

На следующий день зашел к Беляеву, так как мы были знакомы еще в те годы, когда он работал в Казахстане и бывал в Ташкенте. Говорю ему:

— В Средней Азии на территории трех республик — Узбекистана, Казахстана и Таджикистана — имеется огромный массив Голодной степи. Некогда это был цветущий край поливного земледелия. Там восстановлено всего 200 тысяч гектаров. В свое время говорил об этом Сталину, он поддержал. Хочется нам поднять этот вопрос.

Он ответил:

— Я помню. Ты прав. Хлеб-то будем иметь, но для одежды, для повседневной жизни без вашего хлопка не обойтись. Думаю, получишь поддержку, если поставишь этот вопрос.

Зашел к Аристову (кабинеты их были рядом). Аверкий Борисович встретил как старого знакомого, тут же угостил чаем и говорит:

— Видишь, какую ношу на меня возложили. Никогда такими делами не занимался, но теперь нужно взяться за эту работу всерьез. Это гуманное, благородное дело. Знаю, ты принимал участие в подготовке материалов. Надеюсь, будешь помогать и мне.

Я уточнил:

— У нас есть желание заняться непосредственно делами репрессированных в Узбекистане. В первую очередь бывших руководителей. Когда говорил об этом Никите Сергеевичу, он отнесся с пониманием, но рекомендовал поднять этот вопрос после съезда.

— В этом я тебя поддержу. Но подожди, надо самому разобраться, с чего начинать и как организовать дело.

Зашел в Госплан к Сабурову, поднял вопрос о Голодной степи. В ответ услышал:

— Ты знаешь, какие трудности у нас с целиной. Не хватает денег и материальных ресурсов. Что касается вашего поливного земледелия, я помню, мы еще в 1952 году получили указание изучить вопрос. Некоторые исходные данные, видимо, имеются в аппарате Госплана.

Я уже не мог остановиться, уж очень все это наболело: — Мы хотим заняться не только Голодной степью, но в целом воднохозяйственным строительством в республике. Необходимо выяснить запасы водных ресурсов, уточнить площади для расширения

поливного земледелия. И все это с таким расчетом, чтобы Узбекистан вместе с другими республиками увеличил производство хлопка, овощей, фруктов, серьезно занялся животноводством, особенно — его продуктивностью... Программу воднохозяйственного строительства нельзя ограничить рамками годовых и даже пятилетних планов.

— Правильный подход, — поддержал Сабуров. — Это у нас самое слабое место в планировании. Недостаточно владеем искусством.

— Никита Сергеевич, — продолжал я, — говоря о целине, подчеркнул: зерно и мясо. А мы в Средней Азии можем исходить из формулы: хлопок и мясо. Пока мы не преодолеем однобокость и не обеспечим комплексное развитие сельского хозяйства, мы и дальше будем страдать и не сможем заменить нынешнюю экстенсивность интенсивностью производства.

Он заметил:

— Это уже, дорогой, проблема не только одного Узбекистана. По существу, во многих краях и областях такое положение, только с другими культурами.

Условились, что мы со своими наметками по воднохозяйственному строительству ознакомим Госплан через месяц.

На третий день, перед отъездом, утром попросил аудиенцию у Никиты Сергеевича. Он принял в конце дня. И сразу начал разговор:

— Вот теперь вы работник не только Узбекистана, но и Союза. Будете активно участвовать, а мы вовлекать вас во все сферы деятельности. Скажу Малину, чтобы вас всегда приглашали на заседания Президиума. Вы смелее участвуйте в его работе. Первое крещение уже получили на недавней встрече в Президиуме, имеете представление о положении. Во имя обеспечения успешного проведения съезда мы пошли на определенный компромисс, сглаживая острые углы. Хотелось бы нам сохранить и впредь единство в руководстве, но предчувствую, могут возникнуть сложности, даже конфликтные ситуации. Ведь некоторые наши коллеги, будучи когда-то самыми близкими, доверенными соратниками Сталина, всячески пресмыкались перед ним, угодничали, чтобы не вызывать его недовольства и удержаться у власти. Постоянно жили в страхе, что он может убрать любого из них. Отсюда в их сердцах была ненависть к нему, а любовь и преданность — на словах. Они в душе рады, что Сталина уже нет, но теперь, боюсь, будут использовать его имя уже против нас, против всего того, что мы хотим поправить, существенно изменить в деятельности партии и государства. Таким образом, наши позиции могут оказаться

абсолютно разными, а это создаст трудности в работе Президиума ЦК и вообще в стране.

На прощание Никита Сергеевич спросил:

— Когда собираетесь лететь в Ташкент?

— Завтра, — ответил я и, решившись, снова заговорил о вещах, которые в то время казались мне наиболее важными: — Хотелось бы возвратиться к двум вопросам, о которых когда-то говорил вам, — о реабилитации бывших руководителей Узбекистана и о расширении поливного хозяйства.

— Видите, как меня атакуют и обвиняют за целину? Но мы им не позволим тормозить дело. А вы по своим вопросам подготовьте предложения, посоветуйтесь с заинтересованными организациями в Москве, в отделах ЦК. Вносите.

Слова Никиты Сергеевича о предстоящих трудностях, его подчеркнутое употребление местоимений «они» и «мы» оказались поистине пророческими. Хотя он не назвал ни одной фамилии, через некоторое время все это стало реальными фактами. Всем памятна борьба с «антипартийной группой», завершившаяся не отстранением Хрущева от должности Первого секретаря, как было задумано, а выводом из состава Президиума и ЦК семи из одиннадцати членов Президиума, образованного на XX съезде.

Прибыв в Ташкент, созвали собрание актива, где рассказали о работе и итогах XX съезда КПСС и задачах пятилетки. Договорились провести в марте Пленум ЦК, на котором главными вопросами будут — реализация задач, поставленных на XX съезде, и наметки VI пятилетнего плана Узбекской ССР.

На бюро ЦК с участием первых секретарей обкомов и председателей облисполкомов я коротко рассказал о личных беседах с Хрущевым, другими секретарями ЦК и с Сабуровым.

Договорились сразу же начать подготовку материалов по реабилитации А. Икрамова, Ф. Ходжаева и других. Группу по подготовке документов для реабилитации жертв сталинского террора поручено было возглавить мне. В нее вошли председатель КГБ, прокурор республики, министр внутренних дел, представители ЦК. Документы на каждого человека мы внимательно изучали, отдельные спорные вопросы обсуждали на бюро ЦК.

Совмину, отделам ЦК, Госплану поручили обобщить все уже имеющиеся расчеты по подготовке большой программы водно-хозяйственного строительства, в частности, целинных земель Голодной степи — Мирзачуля и Каршинской степи.

Я уже писал о том, что предложения о воднохозяйственном строительстве мы начали интенсивно готовить с 1951 г. Еще в начале

1952 г. коротко изложили суть этого плана Сталину, но в связи с его кончиной рассмотрение плана затормозилось. Однако теперь, получив согласие, детально рассматривали каждый аспект разрабатываемого комплекса — по видам, срокам, объемам работ и т. д.

Еще в октябре 1955 г. было принято решение о создании рисового хозяйства в Каракалпакии на площади 120 тысяч гектаров и ассигновано на эти цели 90 миллионов рублей, а также утверждена большая программа мелиоративно-ирригационных работ с 1953 г. с целью осушения заболоченных и орошения новых земель на крупнейшем массиве в Центральной Фергане. На этот раз решили подготовить, кроме общей программы, конкретные предложения по двум объектам: освоение 300 тысяч гектаров Мирзачуля (Голодная степь) и осуществление воднохозяйственного строительства для освоения Каршинской и Бухарской степей как второй очереди работ. Когда материалы были подготовлены, по предварительной договоренности мы прибыли в Алма-Ату со специалистами.

В ЦК Компартии Казахстана, у Д. А. Кунаева, с участием руководителей республики, министерств и ведомств подробно обсудили вопрос и договорились, что в предложениях будем предусматривать освоение в течение пяти лет 300 тысяч га в Голодной степи, из них 200 тысяч га на территории Узбекистана и 100 тысяч га — в Казахстане, но как единый массив под единым руководством.

Затем прибыли в Сталинабад². Там у Первого секретаря ЦК Б. Гафурова с участием других заинтересованных лиц условились о расширении работ по завершению строительства и сдаче в эксплуатацию Кайраккумского водохранилища и ГЭС на его базе, соорудившихся с 1953 г. в Ленинабадской области Таджикистана, а также о подключении части земель Голодной степи, принадлежащих отдельным районам Таджикистана.

Согласовали все аспекты работ с республиками, уточнили еще раз объем возможных затрат, снова внимательно рассмотрели эти вопросы на заседании Совета Министров и бюро ЦК. После всего этого я позвонил в Москву Сабурову и договорился с ним, что наши специалисты прибудут в столицу в мае.

В Москву вылетели Р. Алимов — министр водного хозяйства, академики А. Б. Аскоченский, Б. В. Пославский, зав. сельхозотделом ЦК В. Бабков, ответственные работники Совета Министров, Минсельхоза, Госплана, Минфина и другие специалисты. Примерно через полмесяца Р. Алимов позвонил и большим, измученным голосом (видимо, его «доконали» в канцелярской карусели) сообщил:

— В основном достигли взаимопонимания. Руководство Госплана Союза требует, чтобы все, о чем договорились, рассмотрели

в Ташкенте и уже официально представили от имени ЦК и Совета Министров республики.

Они возвратились, мы дали им по три дня отгула, чтобы пришли в себя, а потом на расширенном заседании бюро ЦК заслушали их доклад. Записку на имя ЦК КПСС и Совета Министров СССР подписали Камалов и я.

Группа, уже в более узком составе, снова вылетела в Москву. Дней через десять позвонил Алимов:

— Мы все уже завизировали и передали на подпись председателю Госплана.

Через неделю позвонил Сабуров:

— Вот, все ваши бумаги о воде у меня на столе. Если не возражаешь, могу подписать и направить в Президиум.

Я, естественно, поблагодарил.

VIII. Интеллигенция: проблемы старые — замыслы новые

<...> Еще в самом начале января (1957 г. — *Сост.*) мы разослали руководящим органам всех союзных республик, а также Москвы, Ленинграда, других областей и краев РСФСР приглашения на объединенное заседание ЦК и Верховного Совета Узбекистана, которое было назначено на 13 января: на нем Хрущев должен был вручить республике орден Ленина. Эту дату заранее согласовали с ним. При этом я просил, чтобы, если можно, Указ о награждении передовиков орденами и медалями, которые будут вручать в Ташкенте, опубликовали заранее, а Золотые звезды Героев вручали в Москве, в Кремле.

Никита Сергеевич вначале высказал сомнение, стоит ли отвлекать столько людей, но я постарался убедить его, сказав, что в первый раз хлопкоробов Узбекистана и Туркмении в Кремле принимали Сталин и члены Политбюро в 1935 г., и с того времени они там не были. Он согласился и, посмотрев на свой календарь, сказал:

— Давайте сделаем так. 11-го обнародуем Указы, в тот же день я прилечу к вам, 13-го — вручение, а от вас полечу в Киргизию.

Тогда я сообщил, что 14-го утром у нас состоится XII курултай передовиков сельского хозяйства.

— Что это такое? — спросил Хрущев.

Я пояснил, что ежегодно проводим своего рода съезд, слет передовиков сельского хозяйства, где подводим итоги и определяем задачи на будущее.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда вылет во Фрунзе — 15-го утром.

Тогда же договорился с А. Ф. Горкиным, что все ордена и медали с удостоверениями они направят срочно в Ташкент со своим работником, а Золотые звезды и ордена Ленина для двухсот двух Героев задержат у себя, в Москве, чтобы их вручение состоялось в начале февраля в Кремле.

13-го утром в Театре имени Навои открылось объединенное торжественное заседание ЦК Компартии Узбекистана и Верховного Совета УзССР. За рабочим столом — члены бюро ЦК и члены Президиума Верховного Совета, главы делегаций республик и зарубежных гости. Открыв заседание, Рашидов дал слово Хрущеву. Никита Сергеевич зачитал Указ от 5 декабря, и тут у нас — осечка: в суматохе волнений не приготовили Знамя республики, к которому следовало прикрепить награду. Подошли втроем — Ш. Рашидов, С. Камалов и я — и приняли орден Ленина. Никита Сергеевич назвал число награжденных и сообщил, что ордена и медали будут вручать здесь, в Ташкенте, а Героям вручат награды в Кремле. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР зачитал фамилии нескольких награжденных, которым Н. С. Хрущев сам вручил ордена (в том числе и мне).

— Остальным, — сказал он, — вручат сегодня и в ближайшие дни.

Никита Сергеевич произнес большую речь. После Хрущева выступили несколько человек, а также главы республиканских делегаций.

В тот же день вечером в зале окружного Дома офицеров устроили большой прием — тогда это был самый большой зал в городе. К этому времени приглашенным уже успели вручить ордена и медали, они явились с наградами, в радостном, приподнятом настроении. В центре главного стола — Хрущев, все члены бюро ЦК, правительства, главы делегаций. Тосты, веселье, музыка, песни.

В это время подошла ко мне знаменитая танцовщица, депутат Верховного Совета Мукаррам Тургунбаева и сказала тихо, что в конце стола, в углу сидит Хамракул-ака, настроение у него подавленное. Я тут же позвал Зиямова, управляющего делами ЦК, и поручил пригласить его. Он подошел, я представил его Никите Сергеевичу, который встал, тепло пожал ему руку, поцеловался с ним. Мы посадили Хамракула-ака за главный стол.

Спустя некоторое время я сказал Хрущеву, понизив голос:

— Мы его представляли на трижды Героя Социалистического Труда. Сперва отнесли положительно, но потом отвели, объяснив это тем, что в стране нет ни одного работника сельского хозяйства — трижды Героя. Мы настаивали, говорили, что он вполне

заслуживает. Ответили, что обсудят, но в результате в списках награжденных его вообще не оказалось. Хорошо было бы все же присвоить ему это звание.

Никита Сергеевич призадумался ненадолго, а вокруг тосты, веселье.

— Нет ли тут телефона, чтобы связаться с Москвой? — спросил он.

Оказалось, что правительственного телефона в здании нет, но с Москвой можно соединиться через Министерство обороны. Я пригласил командующего округом А. А. Лучинского.

Хрущев сказал ему:

— Вы свяжитесь с министерством, и пусть они разыщут Булганина, Суслова или Кириченко. Кто из них будет на месте, пусть позвонит мне сюда.

Примерно через полчаса доложили, что у телефона Суслов. Мы вместе вошли в кабинет, где находился телефон, но во время разговора Хрущева я вышел и вывел за собой командующего и дежурного офицера. Так что, как и что говорил Хрущев, не могу сказать. Выйдя из кабинета, он заявил, что завтра будет обнародован Указ и присвоении Хамракулу Турсункулову звания трижды Героя Социалистического Труда, и предложил мне объявить об этом в зале, где шел прием. Я сказал ему, что, если он сам сделает это, будет лучше. В зале царил праздничное веселье, и никто не знал, зачем мы отлучались.

Вскоре Хрущев встал и сказал:

— По техническим причинам где-то, на каком-то этапе, в Ташкенте или Москве, не знаю, но моего друга в списке награжденных не оказалось. А он заслуженный человек, прославленный хлопкороб, уважаемый не только у вас, но и в Союзе. Вот теперь принят Указ о присвоении Хамракулу Турсункулову звания трижды Героя Социалистического Труда с вручением ему третьего ордена Ленина и третьей медали «Золотая звезда»³. Позвольте мне его поздравить!

Они обнялись, поцеловались, у Хамракула-ака чуть ли не слезы на глазах, а в зале — радостный шум, поздравления.

Затем провозглашались тосты в честь каждой делегации. Так что веселились долго.

14-го утром открылся XII курултай. Народа было очень много, многие с наградами, гордые и радостные.

15-го января проводили Хрущева, направлявшегося во Фрунзе для вручения ордена Киргизской ССР.

В течение пяти дней было завершено вручение орденов и медалей всем награжденным. <...>

IX. «Год Индии». Бандунгская конференция

<...> В дни пребывания Неру с дочерью мы вместе с первым заместителем министра иностранных дел Союза В. В. Кузнецовым повсюду сопровождали их и проводили на родину. Естественно, я имел возможность неоднократно и подробно беседовать с Неру. Общение с этим мудрым политиком мирового масштаба произвело на меня глубокое впечатление. Он во многом «открыл» для меня Азию и Африку. <...>

Проводив Неру, я подробно пересказал Василию Васильевичу Кузнецову, все им высказанное и мои ответы. Он согласился, что гость поднял важные вопросы, имеющие для нашей страны определенную ценность.

— Я, — заверил он, — конечно, по возвращении в Москву информирую инстанции о том, как в Узбекистане хорошо приняли индийских гостей. Но о том, что он говорил вам, к тому же наедине, лучше было бы вам самому по партийной линии послать информацию. К тому же я не присутствовал при беседе и поэтому не знаю всех нюансов. Кстати, так поступают и в других республиках при приезде к ним официальных высоких гостей.

Суммировав все вышесказанное, я изложил наш разговор письменно, в виде тезисов, и позвонил в Москву. На месте оказался помощник Хрущева Шевченко. Сообщив коротко о пребывании Неру, сказал ему:

— Хотел бы прилететь и лично информировать Никиту Сергеевича по ряду срочных вопросов республики и высказываниям Неру.

Он ответил, что позвонит. Через девять или десять дней он сообщил по телефону, что я могу приехать в Москву.

Прилетел и на второй день был принят Никитой Сергеевичем. Он интересовался делами в республике, настроением народа, ходом сельскохозяйственных работ. Затем спросил:

— Ну, что сказал Неру?

Изложил ему записанное мною содержание нескольких бесед. Выслушав, он сказал:

— Да, это хорошо, если он улетел с таким настроением, уверенный в нашем искреннем отношении к Индии, к нему. С его высказываниями о Востоке, о бывших колониальных народах и нынешней обстановке в мире нельзя не согласиться. У нас, конечно, своя политика, своя стратегия, тем не менее учитывать высказывания таких деятелей нам надо.

Наша беда в том, что здесь, в Москве, среди нас нет представителей Востока, таких людей, которые хорошо знают проблемы

Азии и Африки, внимательно следят за событиями. Да и вообще, если посмотреть на всю историю партии, то все ее лидеры, начиная с Плеханова и Ленина, — люди европейского склада ума, сами родились и жили в Европе, для них главными были пролетарская революция и диктатура пролетариата. Восток же оставался далеким, непонятным регионом.

В первые годы Советской власти в Центре появились некоторые образованные азиаты. Но вскоре их отстранили, обвинив в национализме. Второе поколение представителей национальных республик, в том числе и вашей родины, было уничтожено в 30-е годы. И вот теперь, когда Восток бурлит, когда происходят крупнейшие события и, с другой стороны, авторитет нашего государства высок, у них большая надежда на нас, они ценят нашу материальную, военную и политическую поддержку. Сейчас — как сказал Неру — нам надо иметь новую восточную политику с учетом перспективы.

Вот вы и изучите материалы, имеющиеся в ЦК, МИДе, правительстве, научных учреждениях, касающиеся Востока. Выберите оттуда все, что нам нужно, продумайте прочитанное, чтобы у нас было ясное представление об обстановке в этих странах. Отношение у нас к ним бескорыстное, но как довести это до сознания многомиллионного народа Востока? Одновременно была бы польза и для нашей страны, в смысле авторитета, влияния, да и материальная, дипломатическая и т. д. Видимо, возникнут связи на долготерпимой основе.

Посмотрите, какими кадрами мы располагаем — учеными, дипломатами, экономистами. Вообще, какой у нас уровень и метода изучения Востока в министерствах и ведомствах, насколько они отвечают сегодняшним требованиям и какие есть возможности улучшить, сделать их более эффективными. Одним словом, вы, как человек Востока, азиат, сын мусульманина, разберитесь со всем этим и подумайте о нашей восточной политике. Потом встретимся, расскажем. Хорошо было бы сделать это до съезда*.

В этой беседе Никита Сергеевич сказал, что Неру пригласил его и Булганина посетить Индию.

— Мы приняли приглашение, но дата визита еще не установлена. Не знаю, когда выбрать время.

— Надолго откладывать, — реагировал я, — вряд ли целесообразно, фактор времени имеет большое значение.

— Не знаю. Видимо, будущий год будет напряженным. В начале года надо провести съезд партии, потом пленумы партийных

* Шла подготовка к XX съезду КПСС.

комитетов, собрания коммунистов по итогам съезда. А уже пора развертывать посевную. Летом нужно завершить подготовку документов о реформах в сельском хозяйстве и промышленности, которые мы с вами обсуждали здесь, на совещании. Намечено несколько визитов гостей из-за рубежа, запланированы и наши поездки.

— Нет ли возможности совершить визит в конце этого года?

— Кроме Индии, нам, видимо, целесообразно нанести ответный визит в Бирму и Афганистан, поскольку имеем приглашения от У Ну и Захир-шаха, которых и мы, здесь, и вы, узбеки, принимали. Все это займет, вероятно, десять-двенадцать дней.

— Можно было бы вылететь в конце ноября и начать с Индии.

— Да. Видимо, так лучше. Посоветуемся на Президиуме, там и решим.

— В любом случае полезно на день прилететь в Ташкент, отдохнуть и, немного акклиматизировавшись, на следующий день утром прибыть в Дели.

— Пожалуй, так.

17 ноября 1955 года днем Булганин и Хрущев прибыли в Ташкент. Их сопровождали министр культуры СССР Михайлов, генерал армии Серов, первый заместитель министра иностранных дел СССР Громыко, заместитель министра сельского хозяйства СССР Расулов, заместитель министра внешней торговли СССР Кумыкин.

На даче, где собрались члены делегации и члены бюро ЦК Компартии Узбекистана, Хрущев сказал, обращаясь ко мне:

— Вы тоже включены в состав делегации. Готовьтесь, утром вместе вылетим.

Ниязов, Рашидов и я сидели рядом. Я взглянул на Амина Ирматовича, и он в ответ на мой невысказанный вопрос проговорил:

— Послезавтра же совещание животноводов. Вы там докладчик.

Тогда, поблагодарив Никиту Сергеевича, я ответил:

— Очень интересно было бы побывать в Индии, Бирме и Афганистане вместе с вами. К тому же впервые. Однако у нас послезавтра совещание по животноводству, представители областей и районов, колхозов и совхозов уже прибывают. Я докладчик. Неудобно, наверное, откладывать.

— Ну что же, дело ваше. Правильно делаете, что занимаетесь животноводством.

— Быть может, — продолжал я, — вместо меня включите в делегацию товарища Рашидова? Он у нас — Председатель Президиума Верховного Совета.

Булганин спросил:

— Где он? — а Хрущев показал пальцем на Рашидова и сказал:

— Не возражаю.

Я заметил:

— Летом вместе с отцом была у нас Индира Ганди. Произвела очень хорошее впечатление и сама, видимо, была довольна увиденным и услышанным. Ее сопровождала вместе с нами Зухра Рахимбабаева, она сейчас первый заместитель министра культуры республики. Окончила Академию общественных наук, защитила кандидатскую диссертацию по истории, индолог, владеет английским языком. Полезно было бы, чтобы и она сопровождала вас, учитывая также и то, что в Индии в последнее время большое внимание уделяется выдвижению женщин на руководящие должности. Например, мэром города Дели является госпожа Али.

Никита Сергеевич ответил:

— Убедил, хорошее предложение, принимаем. Где она? Приглашайте.

Пошли обедать, затем уточнили программу. Хрущев обратился к Громыко:

— А ну-ка, расскажите, когда и где мы будем находиться.

Громыко пояснил, что они пробудут 10–12 дней в Индии, по 3–4 дня в Бирме и Афганистане. В Ташкент вернутся 7–8 декабря.

Посоветовавшись, мы решили провести общегородской митинг в Ташкенте с их участием на обратном пути. Никита Сергеевич, выслушав, сказал:

— Интересно. Всегда полезно общаться с людьми. Мы доложим о поездке, посмотрим на ташкентцев, услышим, как вы здесь работаете.

Договорились, что по прибытии в Дели, когда будет окончательно уточнена программа, Громыко через МИД телеграфно сообщит нам о дне прибытия делегации в Ташкент. Мы просили, чтобы прилетели в первой половине дня, чтобы во второй половине начать митинг.

Утром проводили гостей. Руководители Ташкента тут же начали подготовку к митингу: уточняли прогноз погоды, определяли, сколько людей пригласить из районов, как разместить их, наметили порядок проведения митинга, меры безопасности и т. д.

Получили от Громыко телеграмму о том, что делегация возвращается в Ташкент 10 декабря в первой половине дня. Собрались в ЦК, слушали информацию руководителей города и районов, соответствующих министерств и ведомств о подготовке к митингу. Уточнили порядок его проведения: кто открывает, кто выступит, кто поднимется на трибуну. Из сообщений стало известно, что народ ждет наших лидеров с интересом. Договорились, что из аэропорта поедем прямо на дачу — короткий отдых, обед, а затем — на митинг.

Поступает новая телеграмма: приезд переносится на 15-е. Вдруг 14-го звонит Громыко из Таджикистана по телефону:

— Наш самолет сегодня утром вылетел из Дели, но из-за неблагоприятной погоды не смог приземлиться в столице Афганистана Кабуле. И вот только что прибыли в Сталинабад. Надеемся, что завтра утром возвратимся в Афганистан. К вам прибудем 18 или 19-го утром.

Всем экстренно сообщили, что произошло, объяснили, что митинг состоится чуть позже, точную дату сообщим дополнительно. Наконец, связавшись с Кабулом, выяснили и стали собирать людей на 19-е к 16 часам.

Побывав в Афганистане, флагман советской авиации тех лет «Ил-14» с высокими гостями на борту 19 декабря, примерно в 15 часов вылетел из кабульского аэропорта и взял курс на Ташкент.

Мы все — в аэропорту. Самолет прибыл около 17 часов. Открылся люк, и по трапу спустились Хрущев, Булганин и другие. На них, грубо говоря, лица не было, все бледные, измученные. Оказывается, над горами Гиндукуша их здорово «болтало», и чтобы пережить такое тяжелое и опасное испытание, они употребляли напитки.

Никита Сергеевич вяло реагировал на наши приветствия. Мы предложили сразу же из аэропорта ехать на митинг.

Он воскликнул:

— Какой митинг?!

Отвечаем:

— Как условились перед вашим отъездом. На площади уже собралось несколько сот тысяч человек и с радостью, нетерпением ждут встречи с вами.

— Зачем вы затеяли это? Нельзя ли обойтись без нас? Лучше отвезите нас на дачу!

— Ведь мы уже дважды переносили дату митинга. Людям очень хочется услышать вас.

— Какой же я сейчас докладчик?! Ну, ладно, раз вы собрали людей, вот Булганин будет говорить.

Булганин: Нет, нет! Я совершенно не готов и не в состоянии!

Никита Сергеевич: Ты же глава делегации, вот и отдувайся. Любишь позировать перед телевидением, журналистами, когда в гостях, теперь поработай перед простыми людьми. Выступи!

Расселись по машинам, поехали на площадь. Тысячи людей стоят вдоль улиц, машут флажками, цветами. Увидев их, Никита Сергеевич и Николай Александрович начали приходить в себя. Прибыли на площадь. Собралось свыше трехсот тысяч человек, у многих транспаранты, портреты. Со всех сторон раздаются при-

ветствия в адрес Никиты Сергеевича, гостей, здравицы в честь партии и государства. Слышны возгласы: «Добро пожаловать, Никита Сергеевич!»

Увидев, все это, Хрущев говорит:

— Нет, друзья, я буду выступать. Не могу молчать перед такими замечательными людьми. А ты, Николай Александрович, отдохни, устал.

На трибуну вместе с делегацией и с нами поднялись прибывшие на совещание в Ташкент Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Брежнев⁴, Председатель Совета Министров Таджикистана Т. Ульджабаев, Председатель Совета Министров Туркмении Б. Овезов.

Приветственной речью открыл митинг первый секретарь Ташкентского комитета партии С. Н. Нурутдинов. Он представил Никиту Сергеевича, Николая Александровича и других. Грянуло мощное «Ура!». На митинге выступили с краткими речами академик А. С. Садыков, мастер завода им. Кагановича И. Веревкин, председатель колхоза «Шарк юлдузи» дважды Герой Социалистического Труда Х. Турсункулов, ученица 5-го класса школы № 43 Дильбар Исмаилова. Затем дали слово Н. С. Хрущеву. Он придвинул к себе микрофон и начал говорить:

— Здравствуйте, дорогие мои таджики! Мы вам привезли сердечное приветствие от народов Индии, Бирмы, Афганистана, ваших соседей. Нас очень хорошо приняли там. Переговоры были успешными, подписаны поистине исторические соглашения.

Затем вдруг сказал:

— Вы, таджики, молодцы, хорошо работаете, получаете высокие урожаи хлопка! А вот у ваших соседей узбеков дела идут неважно. Прежде всего, у них есть антимеханизаторы среди руководителей...

Мы остолбенели. Тут же говорю Н. А. Булганину:

— Скажите, что вы находитесь в Узбекистане, перед ним — узбеки!

А он мне:

— Сам и скажи.

Потихоньку приблизился к Хрущеву, хотел сказать об этом, но он вошел в азарт и ни на что не обращал внимания. Через пару минут снова подошел и тихо говорю:

— Никита Сергеевич! Находящиеся перед вами жители Ташкента и всего Узбекистана внимательно, с интересом слушают вас. Он резко повернул голову в мою сторону:

— Что вы сказали?

Повторил:

— Вас слушают узбеки.

А он в ответ:

— Почему раньше не сказали?! — и тут же, повернувшись к микрофону, продолжил речь:

— Дорогие жители Ташкента и Узбекистана! Решил устроить проверку: публично критиковал, чтобы посмотреть, какая будет реакция. А вы, дорогие ташкентцы, правильно поняли мою шутку, внимательно слушали. Спасибо вам за это!

Дружные аплодисменты! Далее Хрущев начал говорить в общих чертах о достижениях Узбекистана, больших возможностях республики, о трудолюбии узбекского народа.

И закончил так:

— А что касается медленного внедрения передовых приемов агротехники и проявляемых кое-где антимеханизаторских настроений, то я уверен, из моих критических замечаний вы сделаете нужные выводы, поправите положение. Как, согласны с этим?

Хор снизу:

— Согласны!

— Желаю вам, дорогие друзья, всему узбекскому народу здоровья и больших успехов!

Мощная овация, крики «Ура!».

Хрущев отошел от микрофона и тихо сказал:

— Давай теперь на дачу.

Предусматривалось, что в конце я выступлю с ответной речью, но после его команды: «Давай поехали!» — я сказал председателствующему:

— Народу скажи спасибо, поблагодари Никиту Сергеевича, Николая Александровича и других членов делегации.

Так и сделали.

Приехали на дачу и, минут пятнадцать-двадцать отдохнув на воздухе, в аллее, сели за стол. И гости, и хозяева отдали должное плову с перепелками, шашлыку и самсе. На следующий день гости присутствовали (а Хрущев выступил с речью) на республиканском совещании передовиков сельского хозяйства.

21 декабря утром мы проводили высоких гостей в Москву. <...>

XI. Молотов или Хрущев?

Как-то в середине июня 1957 г. позвонил мне Козлов и сказал:

— Скоро в Ленинграде будет большой праздник — 250-летие основания города. Ориентировочно — 23 июня. Идет большая подготовка. Приглашаются члены и кандидаты в члены Президиума ЦК во главе с Никитой Сергеевичем. Ты тоже приглашен, для тебя, как и для других, готовят персональный сувенир.

Поблагодарил за приглашение, а потом задумался — ведь и мы должны приготовить подарок ленинградцам...

...И вдруг 18 июня на рассвете позвонил Малин, заведующий общим отделом ЦК, и передал поручение — срочно, сегодня же, прилететь в Москву, самолет для дополнительного рейса уже должен быть в Ташкенте. Помощник выяснил в аэропорту, — действительно, самолет готов. Думая, что речь идет о торжествах в Ленинграде, поручил управделами погрузить в самолет подарки.

Прилетел. Встречавшие сказали, что необходимо ехать прямо в Кремль. Это было не совсем понятно, но решил не уточнять. Попросил отвезти подарки для Ленинграда в Управление делами ЦК, а сам сел в машину и отправился в Кремль.

Захожу в кабинет Президиума. За столом председательствующего не Хрущев, а Булганин. Никита Сергеевич сидит в общем ряду, справа. На мое приветствие не ответили; сел на свободное место за длинным столом. Посмотрел вокруг. Вижу, кроме членов Президиума, кандидатов в члены Президиума и секретарей ЦК, никого нет, даже стенографисток.

Когда я вошел, говорил Маленков. Он обвинял в разных грехах персонально Хрущева. Речь шла о том, что он извращает политику партии, дискредитирует ее, игнорирует правительство, неоправданно вмешивается в работу, неэтично ведет себя публично, в том числе за рубежом, и т. д. После него выступил Сабуров, обвинявший Хрущева в том же, но по линии планирования, финансирования, народнохозяйственных дел.

Вообще, продуманных, логически выстроенных выступлений не было, — скорее, перепалка, взаимная ругань, но, конечно, приводились и факты. Маленков, Молотов, Каганович беспрерывно атаковали Хрущева. В числе его грехов было названо и то что он «раздает богатство республикам». Их сторонники поддакивали, добавляя еще что-то.

Затем слово взял Брежнев. Сначала он пытался защитить Хрущева, говорил о начале освоения целины, об улучшении положения в сельском хозяйстве, о лучшем снабжении населения... В этот момент его резко, даже грубо оборвал Каганович:

— Что ты восхваляешь его, угодничаешь, раздуваешь то, чего не было? Ты вместе с ним дискредитируешь партию и правительство! — И Брежнев, ничего не возразив, прервал свое выступление.

Объявили перерыв. Я зашел по его приглашению в кабинет к М. Г. Первухину, старому знакомому, он помогал в создании нашего ядерного института и в других делах, мы поддерживали контакты. Он объяснил, что стало просто невозможно: правительство парализовано, Хрущев все вопросы решает единолично,

во время поездок допускает безответственные высказывания, дает невыполнимые и безосновательные обещания, грубо, бестактно ведет себя за рубежом. Вот и решили освободить его от обязанностей Первого секретаря и выдвинуть Молотова. Спросил, как я отношусь ко всему этому.

Я фактически не ответил прямо, напомнил лишь, что происходящее в Кремле мне неизвестно. Но сказал, что в республике Хрущев завоевал авторитет и уважение. Вникает в дела, общается с людьми, делится своими мыслями, прислушивается к другим. Ряд вопросов, накопившихся за прошедшие годы, при нем стали решаться. И то, что ездит по стране, хорошо, — ведь другие не делали этого, народ знал их в основном по портретам и речам. К тому же и время для таких коренных перемен в руководстве неподходящее, лучше заниматься конкретными делами. Очередная перетряска навряд ли будет понятна не только в стране, но и за рубежом.

— Что ты сгущаешь краски? — возразил Первухин. — Речь идет лишь о замене Хрущева.

— Лучше бы обсудить по-другому. Конечно, недостатки, ошибки у Никиты Сергеевича есть, они бросаются в глаза, и люди их видят. Но можно сказать ему об этом, а у него, наверное, хватит характера, силы воли сделать правильные выводы.

— Ну, хорошо. Встретимся на Президиуме, — сухо сказал Первухин.

После обеда — снова заседание. Остро и принципиально выступил Жуков, заключив выступление словами: «Армия не поддерживает смещения руководства ЦК». Все переглянулись, так как это прозвучало как угроза. Затем выступил я. Вообще, я выступал дважды, поэтому суммирую сказанное в обоих выступлениях. Конечно, я привожу не стенограмму, а восстанавливаю сказанное по памяти.

— По-моему, нет оснований для освобождения Никиты Сергеевича от обязанностей Первого секретаря ЦК. Сужу по нашей республике. После смерти Сталина прежде всего с именем Хрущева связывают на местах все новое, сказал бы, прогрессивное, происходящее в партии и стране. Особенно благоприятное впечатление производят его поездки по республикам, областям, широкое общение с людьми, интерес к жизни, труду советских людей всех наций, подступы к решению накопившихся наболевших проблем, особенно реабилитация невинно пострадавших партийных, советских, хозяйственных кадров, интеллигенции. Поэтому люди вряд ли поймут решение, которое здесь предлагается.

Товарищ Маленков, вы давно в руководстве партии, были одним из самых близких к Сталину людей. С благодарностью в Узбеки-

стане вспоминают, как в начале 1952 года после нашей Записки по вашему поручению в отделах ЦК и министерствах в течение трех дней было подготовлено восемь проектов постановлений и распоряжений правительства. 7 февраля под вашим председательством на заседании Оргбюро их обсудили. По вашему предложению эти документы были приняты, правда, с некоторыми изменениями по срокам и объемам. Вот вы заняли место Сталина, став Председателем Совета Министров. Откровенно скажу, мы замечаем на местах, что деятельность правительства ухудшилась, ослабла дисциплина аппарата, связь с республиками, некоторые высокопоставленные работники не берут на себя решение вопросов, боятся ответственности. Еще в конце 1954 года мы внесли конкретные предложения по очень наболевшему, жизненно важному для Узбекистана, да и Союза, вопросу об изменении ценообразования на сельхозпродукцию. Через два месяца с трудом разыскали свои Записки в отделах Совета Министров. Когда я вам звонил, вы обещали проверить и решить, но и после этого ничего не изменилось. Наши работники ходили по кабинетам работников министерства и Совмина — никакого движения. В конце 1955 года я обратился к Булганину с просьбой рассмотреть наши документы. Только после этого были отданы распоряжения и подготовлены приказы по министерствам и ведомствам. Но принять решение правительства не сочли нужным. Мы согласились. В принятых документах изменили ряд позиций — и с этим согласились. Такой стиль не вызывает на местах уважения к тем, кто вдалеке, в Центре, так работает.

Обращаясь к Молотову, я сказал:

— Вячеслав Михайлович, мы все вас уважаем, у вас большие заслуги, огромный авторитет. Только что вы говорили о недостатках в работе партийных органов, в частности ЦК. Немало в этом справедливого, конечно, надо работать лучше. Но вы — старейший деятель партии, были в составе Политбюро еще при Ленине, работали с ним, с того времени в высшем руководстве партии и государства. Конечно, вам виднее пороки, слабости, недостатки в партийной работе. Но раз так, неужели вы лично не могли подсказать Никите Сергеевичу? Открыто поднять вопрос на Президиуме, Секретариате? Убежден, что деловые рекомендации и предложения были бы услышаны. Будучи еще школьником, с радостью нес на демонстрациях ваш портрет и гордился этим. Но ведь за все годы Советской власти, находясь в руководстве, вы ни разу не посетили Узбекистан или другие республики. Наверяд ли это совместимо с традициями нашей партии. Мы, молодые работники, понимаем так: если в какой-то организации имеются

промахи, ошибки, то ответственность, конечно, несет не только первое лицо, но и члены выборного, коллегиального органа, они тоже не свободны от ответственности, поправлять дела должны все вместе.

Обращаясь непосредственно к Кагановичу, я высказал ему все, что думал в этот час:

— Лазарь Моисеевич, вы в первые годы Советской власти приезжали в Узбекистан, работали в Ташкенте, старые большевики помнят вас. Но с того времени появляется у нас раз в 5–7 лет, чтобы быть избранным от Узбекистана депутатом Верховного Совета СССР или делегатом на съезд партии. Приезжая, посещаете лишь запланированные предприятия. Люди не улавливают вашего интереса к нуждам и жизни республики, слушая ваши выступления и реплики. Падение вашего авторитета на местах — результат всего этого. Вот вы обвиняете Никиту Сергеевича, что он раздаст заводы, фабрики республикам, ослабляя этим государство. А мы считаем это одной из крупных реформ, которая с удовлетворением была воспринята в республиках. Ведь по этому закону наши предприятия раздаются не иностранцам, а советским республикам, и благодаря этому повышается ответственность республик за дела. Неужели не ясно, что чем сильнее, крепче республики, тем могущественнее наше Советское государство в целом? Надо не тормозить, а расширять эту работу, доводить ее до конца.

В заключение сказал о Никите Сергеевиче:

— В высказанных замечаниях есть определенная доля истины. Например, к вам, Никита Сергеевич, как я уже говорил, прониклись уважением, доверием за новый стиль работы, прежде всего, за общение с людьми. Огромное значение имеет реабилитация погубленных в годы культа сыновей и дочерей народа. Но иногда, побывав несколько часов в том или ином месте, вы тут же делаете рекомендации по ломке существующих веками традиций, зачастую предлагаете шаблонные решения, не учитывая специфики, своеобразия каждой республики, области, даже отдельного колхоза или завода. Народу нравится ваша непосредственность в общении с колхозниками, рабочими, умение пошутить, подбодрить. Но иногда ваши шутки и остроты непонятны местным жителям. (Я в этот момент вспомнил о знаменитой кузькиной матери — как ее перевести на узбекский язык, — но воздержался от примеров⁵.) Из всего, что здесь говорится, всем нам полезно сделать выводы как для общего дела, так и для себя лично. Я, в частности, постараюсь, чтобы и в Узбекистане не забывали о самокритичном анализе того, что у нас делается.

Закончил я так:

— Было бы правильно, чтобы Никита Сергеевич остался на должности Первого секретаря ЦК. Надо ли принимать специальное решение, не знаю, но об этом можно договориться и завершить обсуждение в рамках Президиума.

Далее выступил Молотов. Он обрушился на Хрущева, обвиняя его в недопустимом поведении при встречах с иностранцами в стране и за рубежом, в увлечении выпивкой на публике, безответственных высказываниях. Сказал, что Хрущев некомпетентен в вопросах внешней политики, не изучает ее и, видимо, просто не в состоянии понять. Говорил в присущей ему четкой, лаконичной манере.

Никита Сергеевич пытался парировать выступления, но ему, по существу, не давали говорить.

В поддержку Хрущева выступили Микоян, Суслов, Кириченко. Было уже поздно, и председательствовавший Булганин предложил:

— Давайте решать. Какие будут предложения?

Каганович: Уже вносили — освободить от поста Первого секретаря ЦК.

Булганин: Но как? (*Голоса:* Правильно. Правильно.) Тогда определимся: кто за это предложение?

Проголосовали кто словами, кто рукой. Получилось, семь, из десяти «за». Трое — Суслов, Микоян, Кириченко — не голосовали, но категорически не возражали, выразив свое несогласие лишь молчанием.

Хрущев, ударив кулаком по столу, заявил:

— Не имеете права принимать такие решения! Не вы меня избрали, а Пленум, избранный съездом. Я категорически против вашего решения!

Маленков: Да, избирал Пленум, но он, образовав данный Президиум, поручил ему руководить всеми делами в партии. Принятое сейчас решение, конечно, вынесем на Пленум.

Булганин: Конечно, Хрущев не останется без работы. Быть может, назначить его министром сельского хозяйства? Участок знакомый, он знает и любит это дело. Ну, как дальше поступим?

Хрущев: Я требую выслушать меня на Президиуме! Вы все говорили, а мне не дали возможности ответить.

Кириченко: Да, надо послушать.

Мухитдинов: Это полезно.

Булганин: Ну, тогда, подготовим проект постановления Президиума, о чем говорили сегодня. Завтра будем обсуждать.

На этом закончили. На послеобеденном заседании Брежнева не было. Выйдя в коридор, я оказался рядом с Сусловым. Он тихо сказал мне:

— Никита Сергеевич приглашает. Могли бы сейчас зайти к нему?

Отправился в кабинет Хрущева на Старой площади. Когда вошел, там уже были Суслов, Жуков, Фурцева.

Хрущев: Вот я теперь никто... (Пауза.) Не хотелось бы уйти с такими обвинениями, с таким решением. Убежден, мы с вами находимся на верном пути, начали неплохо. Корни их обид, недовольства мною вам известны. Они действуют так из страха перед будущим. Давайте договоримся: уходить мне из ЦК или найдем выход?

Жуков: Вам не надо уходить с поста Первого секретаря. А их я арестую, у меня все готово.

Фурцева: Правильно, надо их убрать.

Суслов: Зачем арестовывать? К тому же в каких преступлениях можно их обвинить?

Мухитдинов: Правильно говорит Михаил Андреевич. Не надо поднимать вопрос об аресте. Надо все решать или внутри Президиума, или на Пленуме. А Пленум вас поддержит, Никита Сергеевич.

Хрущев: Ну, спасибо вам всем за откровенные товарищеские высказывания. Я ценю вашу морально-политическую поддержку. Действительно, наиболее реальный путь — быстро созвать Пленум, перехватить у них инициативу. В рамках Президиума, как видим, они в большинстве, кандидаты в члены Президиума голосовать не могут. А на Пленуме нас будет большинство.

Так было решено созвать Пленум ЦК.

Хрущев: Позиции всех на Президиуме ясны. Возмутительно повел себя Брежнев. Трусливый, беспринципный человек. Стоило Кагановичу резко выговорить ему, он тут же отошел от нас и вполне способен переметнуться к ним. Хорошо было бы выяснить, действительно ли он болен. Уверен, что симулирует, хочет остаться в стороне, спасти свою шкуру... Давайте ускорим созыв Пленума, пока этого не сделали они. Дальнейшая дискуссия на Президиуме бесполезна, хотя может помочь выиграть время для сбора членов ЦК. Быть может, созвать Пленум послезавтра? А завтра стянуть сюда членов и кандидатов в члены ЦК, членов ревизионной комиссии...

Он продолжал:

— Вы, товарищ Жуков, вместе с Серовым обеспечьте прибытие товарищей с периферии. Товарищ Суслов, пригласите Чураева (орготдел ЦК) и Мыларщикова (отдел Бюро ЦК по РСФСР) и постарайтесь всех оповестить так, чтобы люди завтра прибыли. Товарищ Фурцева, займитесь Москвой, чтобы все явились, и подумайте, в какой словесной форме их правильно ориентировать.

Вы, товарищ Мухитдинов, найдите возможность, когда придут члены ЦК от азиатских республик, в личном плане поговорить с ними. Пленум давайте созовем в 11 часов.

Все согласились и разошлись. Выйдя из кабинета и спускаясь по лестнице, я увидел Серова, который направлялся к Хрущеву. На следующий день с утра собрались снова в зале заседаний Президиума, и обсуждение продолжилось.

Изложил свою точку зрения Кириченко, затем слово взял Д. Т. Шепилов. Вначале он вроде бы поддержал Хрущева, но после выступления Молотова явно переметнулся. Начал с критики, сказав, что Министерство иностранных дел обычно готовит серьезные документы для каждой встречи Хрущева с иностранцами, дает ему специальную папку, но он игнорирует ее, даже не читает материалов; говорит от себя, в результате исправить бывает невозможно, а все оказываются перед свершившимся фактом. Иностранцы же делают соответствующие выводы.

Я взял слово — получилось, что выступал второй раз. Не успел закончить, как вошел секретарь и взволнованно доложил, что в приемной находится группа членов ЦК, хотят войти.

Булганин: Кто позволил? Нельзя!

Хрущев: Как это нельзя? Это же члены ЦК!

Их перепалка была прервана, так как в зал вошли человек 15–20. Я бросил на них взгляд: это были ответственные сотрудники ЦК и преимущественно работники КГБ, МВД и военные. Впереди — Серов. От имени явившихся он начал резко говорить, что трое суток происходит что-то непонятное.

— Мы все, члены ЦК, оказали вам доверие, избрав в Президиум. Вы же закрылись, нам неизвестно, о чем говорите. Народ, партия в неведении, возникают слухи. Идет резонанс за рубежом. Дела же заброшены. Требуем объяснить, в чем дело, что происходит. Ни один вопрос, входящий в компетенцию Пленума, не должен здесь решаться. Не уйдем, не получив ясного ответа!

Булганин (стуча кулаком по столу): Как вы смеете?! Всем ясно, кто и по чьей инициативе собрал эту группу. Все объясним не вам, а Пленуму. Сейчас же расходитесь, не мешайте работать!

Конов (поддерживая Серова): Мы же члены ЦК. Народ должен знать правду!

Булганин: Повторяю — расходитесь!

Маленков: Не будем обострять. Поручим товарищу Ворошилову выйти в приемную и объяснить, в связи с чем заседает Президиум.

Булганин: Верно. Давай, Климент, выходи и объясни товарищам.

Хрущев: Не позволю дезинформировать членов ЦК! Я тоже выйду и расскажу всю правду, кто и чем здесь занимается, чтобы

партия и народ знали все! — От волнения он покраснел, дрожал, даже пошатывался. Ворошилов и Хрущев направились к дверям. Стоя на пороге, Хрущев бросил: — Вы сидите, продолжайте. Я поговорю с народом, членами ЦК. Мы вернемся.

Тут же первым струсил Маленков:

— Давайте не будем дальше вести дискуссию. Все можно решить сейчас. Дело не в том, чтобы кого-то сделать жертвой. Пусть Никита Сергеевич и дальше работает.

Каганович: Верно. Надо заканчивать это дело.

А в приемной шел разговор. Мы сидели молча, не шевелясь, не глядя друг на друга. Так продолжалось не меньше часа. Наконец, вернулись Ворошилов и Хрущев. Не успел никто и рта раскрыть, как Хрущев заявил:

— Мы сказали им всю правду. Вот Климент Ефремович вынужден был оправдываться перед членами ЦК. Все происшедшее не вписывается ни в рамки закона, ни в рамки Устава партии. На Пленуме скажем обо всем. Требуют созвать его завтра. Как?

Мы поддержали:

— Правильно. Скорее созвать Пленум и перенести обсуждение туда.

В этот момент было ясно, что Булганин сам не рад взятой ранее на себя роли председательствующего. Он сидел молча. Инициатива перешла в руки Хрущева. Он обратился к Ворошилову:

— Пошли, Климент, выйдем и скажем, что Пленум завтра.

Присутствовавшие, кто тихо, кто громко, поддержали: — Да, конечно.

Членам ЦК объявили о завтрашнем Пленуме, они ушли. Булганин пересел на свое прежнее место.

Хрущев: Ваша позиция ясна. Наверное, даже решение подготовили?

Маленков: Не писали никакого решения.

Хрущев: Я Первый секретарь ЦК и буду докладывать на Пленуме обо всем, что здесь произошло. Вы тоже изложите свою позицию. Товарищи всех заслушают и примут решение.

Тут секретарь передал Хрущеву какую-то записку. Он надел очки, прочитал и сказал:

— Это от Брежнева. Вот что он пишет... (В записке говорилось, что Леонид Ильич глубоко сожалеет, что заболел. Полностью поддерживает Никиту Сергеевича, считает, что он должен оставаться Первым секретарем, осуждает поведение заговорщиков, предлагает вывести их из состава Президиума и строго наказать.)

Никто не сказал ни слова. Но думаю, все будто заново увидели истинное лицо автора. Поразила его осведомленность о происхо-

дыщем, вплоть до последних часов. Но эта весьма своевременная поддержка опять изменила мнение Хрущева о Брежнев, и опять перед ним открылась дорога наверх.

Утром открылся Пленум. Хрущев сделал доклад о положении в партии и подробно рассказал о трехдневном заседании Президиума ЦК: о чем шла там речь, кто и как себя вел, какое решение хотели принять и как был дан отпор. После него слово дали Молотову. Он кратко изложил позицию «семерки».

Затем пошло обсуждение. Все мы, участники заседания, поддерживавшие Хрущева, высказали свое мнение. С той стороны выступили Ворошилов, Сабуров, Булганин, Первухин. Изложив свою вчерашнюю позицию, сегодня они признали ее ошибочной: Члены ЦК, один за другим, — по существу, почти все, — выступая, называли их заговорщиками, карьеристами, пытавшимися произвести переворот. Позже других выступил Маленков, тоже с самокритикой.

29-го на утреннем заседании Пленума дали оценку действиям «семерки» и приняли решение. Зачитал его Суслов. За его принятие голосовали все участники Пленума, включая шестерых из семи членов «группы». Только один Молотов воздержался от голосования.

Что же записали?

В преамбуле было сказано, что Маленков, Каганович, Молотов создали антипартийную группу, и была изложена суть их позиции. На Пленуме договорились воздержаться от упоминания в «группе» Ворошилова, Булганина и других, принимая во внимание, что Ворошилов являлся Председателем Президиума Верховного Совета, а Булганин — Председателем Совета Министров страны. Из Президиума и ЦК вывели Молотова, Маленкова, Кагановича и Шепилова. Сабуров был выведен из состава Президиума, но остался членом ЦК и на своем посту; Первухина перевели из членов Президиума в кандидаты.

Признали целесообразным увеличить численность Президиума ЦК до 15 человек и избрали его в таком составе: А. Б. Аристов, Н. И. Беляев, Л. И. Брежнев, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков, Н. Г. Игнатов, А. И. Кириченко, Ф. Р. Козлов, О. В. Куусинен, А. И. Микоян, М. А. Суслов, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник; кандидаты в члены Президиума — Я. Е. Калнберзин, А. П. Кириленко, Д. С. Коротченко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, В. П. Мжаванадзе, Н. А. Мухитдинов, М. Г. Первухин, П. Н. Поспелов⁶.

На этом Пленум закончился, но потребовалось еще четыре дня, чтобы окончательно отредактировать и принять 4 июля постановление, опубликованное затем в печати. Мы разъехались.

С группой членов Президиума Хрущев поехал в Ленинград — участвовать в юбилейных торжествах, произнес там большую речь, где, по существу, рассказал обо всем. <...>

ХII. Хрущев против Жукова

Какое-то время казалось, что теперь работа пойдет нормально. Но получилось не так. Прошло всего лишь три месяца, и создали «дело Жукова». Георгий Константинович был снят с поста министра обороны СССР, выведен из состава Президиума и ЦК, в 62 года вынужден был уйти в отставку, т. е. на пенсию. Что же произошло?

Хрущев, став Первым секретарем ЦК, сразу же вспомнил о Жукове, который в 1946 г. был выведен из состава кандидатов в члены ЦК и направлен командующим военным округом на Урал, «в почетную ссылку», как тогда говорили. Хрущев возвратил его в Москву, сначала — на должность первого заместителя министра обороны, Булганина, затем — министра обороны.

Конечно, огромный авторитет Георгия Константиновича, его неукротимая воля, твердый характер, исключительная популярность нужны были Никите Сергеевичу, и поэтому, несмотря на некоторые негативные моменты в их взаимоотношениях в прошлом, во время войны, он перешагнул через личное, политически реабилитировал, приблизил к себе маршала. На XX съезде Жуков был избран членом ЦК и на первом же Пленуме 27 февраля стал кандидатом в члены Президиума ЦК. Через три месяца, 29 июня 1957 г., он был избран членом Президиума, а ровно через четыре месяца, 29 октября, выведен из состава Президиума и снят со всех постов.

Буквально на всех Пленумах 1957 г. Жуков продвигался по вертикали в высших партийных органах. С чем это было связано? Это было связано с драматическими событиями тех месяцев. Жуков полностью поддержал Хрущева при тех месяцах. Жуков полностью поддержал Хрущева при устранении и ликвидации Берии, затем — при снятии с поста Председателя Совета Министров Маленкова. Итак, на XX съезде он стал кандидатом в члены Президиума ЦК.

Далее — раскол внутри Президиума, выступление семи его членов против Хрущева. Тут Жуков твердо поддержал Хрущева — и стал членом Президиума.

Так при поддержке и участии Жукова были удалены из высшего руководства партии непосредственные и потенциальные противники Хрущева. А после этого... наступила очередь самого Жукова. Избавившись от Берии и наиболее видных членов высшего руководства, уже не боясь угрозы с их стороны, максимально использовав авторитет и помощь Жукова, Хрущев круто меняет свое к нему

отношение, руководствуясь, как я смог тогда уловить, личными чувствами, прежде всего, боязнью соперничества и ревностью.

Зная, что Жукова удалить нелегко, Хрущев со своими новыми приближенными тщательно и всесторонне готовил эту операцию. Где-то в третьей декаде октября того же года позвонил мне в Ташкент Кириченко и предложил срочно прибыть в Москву. Предупредил, что поедем к нему на родину, на Украину. Я принял это вначале за шутку, но это оказалось правдой. Он сказал, что на днях вылетает в Киев и встретит нас там.

Прибыв в Москву, отправился прямо в ЦК и зашел к Козлову, ставшему уже членом Президиума. Он доверительно сказал мне, что вместе с Никитой Сергеевичем несколько человек из состава Президиума вылетают послезавтра в Киев.

— Ты тоже с ними летишь, — сказал он. — Там будут проводиться учения Киевского особого военного округа.

Я спросил, какова при этом моя роль.

— Помалкивай. Узнаешь там, — был ответ.

В эти дни министр обороны Жуков находился в Югославии, куда направился по личному приглашению маршала Тито. Досрочного его возвращения не ожидалось, предполагали, что он вернется в конце октября.

Прибыли в Киев. Я обратил внимание, что в аэропорту среди встречавших было много военных, собрались почти все маршалы. Нас разместили в шикарных апартаментах, долго кормили роскошным обедом. Потом всех пригласили в большой зал, где уже присутствовало высшее военное руководство.

Когда расположились, Хрущев обратился к Малиновскому:

— Родион Яковлевич, информируйте нас, как будут проходить учения, кто участвует, план операции, чем и когда она завершится. — Обращаясь к нам, добавил: — Товарищ Жуков в гостях в Югославии, маневрами будет руководить маршал Малиновский.

Родион Яковлевич доложил основные моменты операции, назвал участников с обеих сторон, командующих, показал на карте, как все будет проходить и где расположен главный командный пункт. Учения должны были продолжаться полтора дня.

Хрущев задал вопрос:

— Как вы мыслите наше участие?

Малиновский подробно ответил, что в начале операции члены и кандидаты в члены Президиума будут находиться на главном командном пункте. А далее для всех составлены маршруты, чтобы можно было следить за полем боевых действий.

Хрущев спросил, кто еще участвует, кроме войск Киевского округа и представителей Генерального штаба. Маршал ответил:

— Как мы докладывали вам в Москве, приглашены командующие военных округов и родов войск. Они уже здесь.

На этом Никита Сергеевич отпустил военных и, когда мы остались одни, спросил:

— Ну, теперь вам ясна задача?

Все кивнули. Он продолжал:

— Это только то, что на поверхности. А основное — поговорить с генералитетом, узнать настроение, насколько военные довольны своим положением, работой Генштаба, министра — как он руководит, справляется ли с делами, каково его отношение к подчиненным маршалам, генералам.

Откровенно говоря, я не понимал, зачем все это, но при подведении итогов учений и мне все стало ясно.

На следующий день утром, собрав нас, Хрущев сказал, что каким-то образом наше решение об учениях дошло до Жукова в Белград. Поскольку он считал, что учениями надо руководить ему, а значит, и находиться здесь, запросил, что хотел бы прервать пребывание в Югославии. Ему ответили, что нецелесообразно нарушать столь важную поездку. Он дал повторную телеграмму. Ответили, что на учениях присутствует Председатель Совета Оборона страны (Хрущев). Жуков промолчал.

Все вместе мы приехали на командный пункт Малиновского, побыли там недолго, и он распределил нас по войскам. С ним остался Хрущев. Я оказался в машине с двумя генералами, один из которых командовал наступающей дивизией. Лил проливной дождь, и нам выдали теплые генеральские формы (без погон) и плащ-палатки. Поскольку я с первого и до последнего дня находился на фронте, меня не поразило ничего из того, что я увидел. Все-таки учения есть учения, и как бы ни старались войска, здесь мало что напоминает настоящее поле боя.

На следующий день утром беседовали в войсках со старшими офицерами. Разговор был интересный, Никита Сергеевич ударился в военные воспоминания, радовался, что его помнят еще с военных времен. Днем Малиновский подвел итоги, потом выступали генералы, руководившие боевыми действиями. Хрущев попросил подробнее высказываться о недостатках в боевой подготовке войск. Его поняли, и разговор вошел в новое русло.

Вечером за столом сидел весь генералитет армии. Столы накрыты щедро, с размахом — икра, семга, окорока, почти все виды напитков и т. д. Тон задавал Никита Сергеевич, и создавалась такая обстановка, что пили и ели вдоволь, не стесняясь, разговоры становились все оживленнее и откровеннее.

Послышались высказывания, что, мол, в руководстве армией имеют место крупные промахи, низок уровень боевой подготовки, в забвении политико-воспитательная работа. В этом же смысле вели речь и отдельные командующие округов и родов войск. Нас рассадили так, что каждый штатский сидел в окружении военных, и здесь беседа была еще более непринужденной, впрямую говорили о недовольстве солдат и офицеров. Тосты — дифирамбы в честь Хрущева — великого военачальника и партийного руководителя — становились все громче и раздавались все чаще.

В конце ужина Никита Сергеевич очень тепло попрощался с военными, и они пожелали ему здоровья, успехов. Все, начиная с Малиновского, заверяли, что армия будет твердо поддерживать мудрый политический курс руководства партии.

После ухода мы пошли к себе.

— Ну, кажется, все ясно, — сказал Хрущев, — армия с нами, не подведет. Пойду спать, а вы погуляйте.

Кириченко пригласил нас в так называемую малую гостиную. За столом — Кириченко, Козлов, Аристов, Брежнев, Подгорный и я. Сидели до поздней ночи.

Утром Никита Сергеевич сказал, что хочет поговорить с членами Совета обороны, а нам Подгорный покажет свой город. С ним остался Брежнев (он курировал армию, оборонные отрасли промышленности). Видимо, это не было официальное заседание Совета обороны, а состоялась важная доверительная беседа. Мы осмотрели город и во второй половине дня вернулись в Москву.

В день возвращения Жукова назначили заседание Президиума. Когда собрались, Хрущев вдруг сказал:

— Сейчас к Москве подлетает Жуков. Его пригласят прямо сюда. Открыто хочу с вами поделиться информацией и впечатлениями. Он замышляет взять власть в стране, проводит в этом направлении серьезную работу, нам кое-что уже известно. Я пожилой человек, мне себя не жалко, но жаль потерять наш политический курс, оборвать то, что успешно начато, допустить установление военной диктатуры. Это опасно, может привести к гражданской войне, кровопролитию. Все вы окажетесь далеко отсюда. Надо серьезно поговорить с Жуковым, принять решение. На Секретариате договорились, что завтра проведем Пленум и окончательно решим вопрос с Жуковым.

Сидим, слушаем, ни протокола, ни стенограммы, ни одного постороннего. Видно, все хорошо рассчитали. Скоро вошел Жуков и занял свое место за длинным столом.

Он, видимо, уже почувствовал, что назревает что-то из ряда вон выходящее. Сел, не сказав ни слова. Тогда Хрущев заявил:

— Мы вот собрали Президиум, чтобы. обсудить ваше поведение, товарищ Жуков. К нам поступают сигналы, что вы зазнались, действуете самовольно, опять взялись за старое — игнорировать партию и ее руководство. В войсках, особенно командном составе, зреет недовольство тем, что вы не считаетесь с ними, подчас оскорбляете. Хотим выслушать ваши объяснения. Мы вам оказали доверие, списали старые грехи, за которые вас вывели в свое время из ЦК. А вы, вместо того чтобы оправдать доверие, так себя ведете, противопоставляете себя ЦК, настраиваете армию против партии.

Жуков встал и сказал:

— Мне вообще непонятно, что происходит, о чем идет речь. В первых, товарищ Хрущев, вы подписали документы о проведении учений, на меня возложено руководство ими и точно установлено время. Затем посылаете меня в Югославию, в это время сроки учений переносятся, и их проводят. Так не делается. Зачем же было направлять меня за рубеж, если ко мне есть претензии? А если хотели проводить учения без меня, почему сразу не назначили другие сроки?

Теперь по существу. Не знаю, какими данными располагаете. Я служил честно, нигде никогда никого не настраивал против партии и руководства. Наоборот, делал все, чтобы сплотить армию вокруг партии. Конечно, в армии есть недостатки, упущения, но не я это породил, — напротив, старался скорее устранить их. Если есть ко мне конкретные замечания, готов выслушать, принять к сведению и исправить.

Слово взял Брежнев. Он очень сильно критиковал Жукова. На этот раз выступал уверенно, категорично, даже с апломбом и совсем не был похож на того Брежнева, который совсем недавно, в июне, быстро присмирел и спасовал перед «антипартийной группой».

Жуков молча смотрел на выступавших. Кириченко резко говорил о том, что Жуков плохо относится к командующим, слабо руководит округами, отрывает их от партийных организаций. Затем выступил Малиновский, сказавший, что Жуков не занимается Генеральным штабом, ударился в большую политику, практически запустил дела и не справляется с обязанностями министра, а значит, не оправдывает оказанного ему как члену Президиума доверия. Так же остро выступили против Жукова Козлов, Фурцева.

Я тоже взял слово и отметил, что по должности мне иногда приходилось участвовать в заседаниях Военного Совета округа. Заметно начало положительных перемен, но, конечно, много еще недостатков, в частности, невысокий уровень политической работы среди солдат и офицеров, есть факты нарушения Устава, особенно

по караульной службе, а это опасно. Недавно пограничники задержали нескольких нарушителей государственной границы. Среди офицеров выявляются случаи хулиганства, рукоприкладства. Правда, эти недостатки вскрываются, по ним принимаются меры.

Отрыв военных от партийных организаций действительно существовал. Сейчас положение улучшается. Военные начали общаться с нами, посещать горкомы, обкомы, ЦК. Немало представителей армии избрано в местные партийные, советские органы. Товарищ Жуков недавно проездом из Индии останавливался в Ташкенте, общался с населением.

Хрущев слушал, не поднимая глаз, опираясь на локти и обхватив голову руками. Кириченко перебил меня:

— Ты говори по существу!

Я ответил, что говорил по существу, высказал свое мнение.

Хрущев поднял голову:

— Вы кончили говорить?

Ответил:

— Да, — и сел.

После меня выступали Аристов, Суслов, затем дали слово Жукову. Он сказал:

— Да, товарищи, я понимаю обстановку. Не могу сейчас спорить с каждым выступающим, но в целом видна направленность: речь идет об оргвыводах в отношении меня. Еще раз повторяю: я честный человек, работаю искренно, очень хочется после Сталина добиться перелома в лучшую сторону во всех сферах, в том числе в армии. Кто-то говорил здесь о ее слабости перед возможным врагом. Я это отмечаю! Наша армия в состоянии дать отпор любому противнику, ответить на любую провокацию!

Хрущев: Вы, товарищ Жуков, видимо, переоценили свои заслуги в очищении правительства и ЦК от нечистоплотных деятелей. А ведь это сделал весь состав руководства. Зачем противопоставляете себя ему? Вас уже однажды упрекали в бонапартизме, а вы снова проявляете те же замашки.

Жуков: Этого никогда не было и не будет.

Хрущев: Тогда объясните членам Президиума, почему тайно создали специальные формирования особых войск? С целью захвата власти?

Жуков: Никаких специальных формирований не создавал и о таких целях не помышлял. Это клевета!

Хрущев вынул из папки бумагу и зачитал. Из текста явствовало, что в армии созданы тайные диверсионные формирования для захвата власти в стране. Описывалось, как туда отбирали людей, совершенно секретно вели их обучение. Эти люди вооружены всем

необходимым для осуществления диверсий и переворота, с последующим уничтожением нежелательных элементов.

Жуков: Это не тайные диверсионные группы, а просто обычные формирования, созданные, кстати, по примеру американских, где в структуре армии имеются военные подразделения со специально обученным личным составом для ведения разведки и уничтожения ракетных установок. Вот и мне наши специалисты предложили создать такую группу для действий против вражеских ракетных войск.

— Большая эта группа?

— Меньше дивизии.

— А вы докладывали ЦК о создании такой специальной дивизии?

— Нет. Но не думал, что этому может быть придано такое значение. Это обычное в армейской жизни повышение боевой готовности.

Хрущев: А вот мы имеем другие подробные данные. Ведь их же обучали, тренировали в Москве, и, очевидно, они хорошо ориентируются внутри Кремля — в коридорах, кабинетах и т. д.

Жуков: Ничего подобного тому, что вы говорите, нет. Признаю только, что прежде, чем создавать эти группы, лучше было бы посоветоваться.

Тут большинство присутствовавших обрушились на него.

Брежнев: После таких действий товарища Жукова какое может быть к нему доверие? Как можно теперь работать с ним, к тому же в высшем звене партии и государства? Его надо освободить от обязанностей министра обороны и члена Президиума ЦК.

Голоса: Правильно! Правильно!

Жуков сидел молча.

Хрущев: Нет других предложений?

Голоса: Нет! Нет!

— У вас, товарищ Жуков, есть что сказать?

— Нет, Никита Сергеевич.

— Тогда давайте так: товарищи Суслов и Брежнев, подготовьте необходимую информацию и проект решения. Есть предложение завтра созвать Пленум ЦК. Вы, товарищ Жуков, будете иметь полную возможность рассказать обо всем членам ЦК. Согласны?

— Согласен.

— Тогда вы свободны. Ведь только что прилетели, отдыхайте. Завтра встретимся на Пленуме.

— Во сколько?

Суслов: В 11 часов, в Свердловском зале.

Жуков вышел. Хрущев предложил сделать десятиминутный перерыв. Кто курил, кто пил чай. Затем вновь собрались.

Хрущев (показывая папку): Вот материалы о поведении Жукова за рубежом. Это недостойно: рисуется, позер, огромное самомнение. Будто он в Советском Союзе один, это он победил Германию, выиграл войну. Это опасно. Вот подробная информация о его спецдивизии, готовой совершить переворот и захватить власть. Нужно уже сейчас установить наблюдение за его домом и телефоном — с кем общается, о чем говорит. Товарищ Брежнев займитесь этим, поручите Серову и кому еще положено.

Брежнев: Хорошо, Никита Сергеевич.

Хрущев: Вот здесь донесения о его похождениях во всех странах, куда выезжал. Желаящие могут ознакомиться. Окончательное мнение, видимо, будет такое: Жукова вывести из состава Президиума и снять с должности министра обороны. Докладчиком давайте утвердим товарища Суслова. Нет возражений?

— Нет.

Хрущев напомнил:

— Тогда, Михаил Андреевич, готовьте с Брежневым доклад и проект решения... Теперь о министре. Кого назначим? Быть может, товарища Малиновского? Он опытный военачальник, специалист, хорошо отличился на фронтах. Согласны? (Все «за».) Об этом тоже сообщим на Пленуме. Товарищ Суслов, явка будет обеспечена?

— Да, почти все уже собрались.

— Проверьте еще раз.

Утром Пленум открыл Хрущев, сообщил, что будет обсуждаться вопрос о Жукове, и дал слово Суслову. Мастер в таких делах, он говорил остро, ярко, облек в убийственные формулировки то, о чем шла речь на Президиуме. Когда дошел до информации о тайных диверсионных группах и красочно расписал их, в зале возник шум...

Потом дали слово Жукову. Он начал говорить о своей биографии, службе в армии, но его грубо перебили: «Покороче. Все известно. Все воевали!» Дальше он сказал, что извлек уроки из критики, но всегда служил честно. Из президиума возразили:

— Разве это честно? Вас так выдвинули, оказали такое доверие, а вы чем отплатили? Вам не место среди нас!

В первый раз я видел Жукова в таком волнении: голос у него сорвался, видимо проглотил подступившие слезы. Дрожащим голосом, но твердо он сказал:

— Я солдат, приму любое решение. Но перед партией, народом я чист, не совершал ни в делах, ни в мыслях никаких преступлений и не совершу.

За два дня до Пленума Козлов (он исполнял тогда роль второго секретаря) предупредил меня, что буду выступать, кроме Пре-

зидиума, и на Пленуме. Однако в день его открытия пригласил утром, в девять часов, к себе и спросил:

— Ты о чем говорил на Президиуме?

— О том, что знал и видел. Сказал и о недостатках.

— Во всяком случае, — отрезал он, — хозяин недоволен. Рекомендую тебе не выступать на Пленуме.

После окончания прений Хрущев в заключительной речи не удержался, вновь обрушился на Жукова, а затем остановился на общих задачах: мы должны все сделать выводы, сплотить народ, армию вокруг партии, не давать возможности развернуться авантюристам, карьеристам.

Проект решения о Г. К. Жукове приняли без замечаний, а в печати опубликовали постановление Пленума под названием «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте».

Новый министр обороны Р. Я. Малиновский всегда подчеркивал свое уважение к маршалу Г. К. Жукову, высказывал высокую оценку его дарований. А на очередном партийном съезде заявил (цитирую):

— Бывший министр обороны Жуков проявил авантюризм и бонапартистские устремления к единоличному захвату власти. В армии насаждал культ своей личности и проводил линию на свертывание партийно-политической работы и ее принижение.

Так Г. К. Жукова не стало в составе партийного и военного руководства. Последние 16 лет жизни он провел дома, вне активной деятельности. Но и здесь не потерял силы воли, работал над мемуарами.

Я изложил фактическую сторону этого очередного скандала в верхах. Хотелось бы теперь попытаться проанализировать, почему после такого взлета Жуков был так быстро политически погублен. Я уже упоминал о возникших у Хрущева опасениях и ревности в отношении к Жукову. Чем они были порождены?

Начнем с войны. Жуков блестяще возглавил операцию по разгрому фашистов под Москвой; руководил снятием блокады Ленинграда и уничтожением там вражеской группировки; непосредственно участвовал в подготовке Сталинградской битвы, обеспечившей перелом в ходе войны, и Курского сражения, после которого началось победоносное наступление наших войск по всему фронту. Он командовал несколькими фронтами и всюду добивался успеха. Возглавлял штурм Берлина, завершившийся водружением советского знамени над рейхстагом. 8 мая 1945 г. принял безоговорочную капитуляцию германской армии, и в историческом документе — акте о капитуляции — среди четырех подписей

представителей антигитлеровской коалиции первой была подпись Г. К. Жукова. На белом коне принимал он военный парад Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 г., рапортовал ему другой прославленный маршал К. К. Рокоссовский.

А Хрущев, хотя и участвовал в войне от начала до конца, достиг лишь положения члена Военного Совета отдельных фронтов. И вот теперь, в 50-е годы, он — Председатель Высшего Государственного Совета Обороны, а Жуков — его заместитель. Если смотреть со стороны, есть над чем призадуматься.

Верховным командующим союзническими экспедиционными сил, участвовавших в войне с германским фашизмом, был Дуайт Эйзенхауэр. Он симпатизировал Жукову, признавал его выдающийся военный талант, а после окончания войны прикрепил к его груди высший орден США; он посещал Москву как гость Георгия Константиновича. Став президентом США, не прерывал дружбы с Жуковым, обменивался поздравлениями. В то же время известны несколько неприятных осложнений в отношениях между Эйзенхауэром как американским президентом и советским руководством при Хрущеве.

По личному приглашению Джавахарлала Неру Жуков посетил Индию, вскоре после пребывания там Булганина и Хрущева. Многомиллионное население и руководители этой страны устроили буквально всенародный прием на уровне главы государства. Жители бурно проявляли искреннее уважение и любовь к нему, словно он был их легендарным героем, сошедшим со страниц известных и весьма популярных эпосов «Махабхарата» и «Рамаяна». Прием, оказанный ему, был несравненно теплее приема нашей официальной правительственной делегации. Проездом он останавливался в Ташкенте, и хотя мы не организовывали специальной встречи с народом, люди, узнав о приезде из газет и радиосообщений, сами вышли на улицы и горячо его приветствовали.

Когда по личному приглашению маршала Йосипа Броз Тито Жуков посетил Югославию, его встречали как всенародного героя, Тито всюду сопровождал его, братски обнимал и всенародно целовал. Незадолго до этого там была советская правительственная делегация во главе с Хрущевым и Булганиным, которой был оказан официальный, протокольный прием.

Видимо, этих примеров достаточно.

Теперь об опасениях. Георгий Константинович никогда не работал в партийных, советских, хозяйственных органах. Это иногда давало о себе знать в его высказываниях, действиях. Те, кому это было выгодно, ловко использовали эти факты для возбуждения у Хрущева подозрений, что он якобы по примеру своих друзей Эйзенхауэра и Тито стремится стать главой государства.

Несомненно и то, что Хрущев и его ближайшее окружение не забыли твердого и угрожающего поведения Жукова на Президиуме ЦК при обсуждении действий «антипартийной группы», его высказывание об армии, которая без его приказа не двинется с места, и заявление в кабинете у Хрущева, что у него все готово для ареста заговорщиков. Вряд ли выветрилось из их памяти, что Жуков был полностью в курсе дела при свержении Берии и следил за ходом операции. А тут еще сведения о специальной дивизии, которая якобы может быть использована и для захвата власти...

Необходимо также сказать, что, как оказалось, каждый шаг Жукова, каждое сказанное им слово как в стране, так и за рубежом фиксировалось, и донесения аккуратно ложились на стол Хрущева. Уже из одного этого можно сделать определенные выводы. Между избранием Жукова членом Президиума ЦК и его снятием прошло всего лишь четыре месяца. За это время никаких негативных изменений в армии не произошло. Зато за это время накопили достаточный материал для того, чтобы расправиться с маршалом. <...>

XXIII. Разрыв отношений с Албанией

Албанская партийно-правительственная делегация посетила Москву еще в апреле 1957 г. После завершения переговоров, на которых советскую сторону представляли Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев и другие члены Президиума Верховного Совета страны, албанцы разделились на две группы: одна с Энвером Ходжа поехала в Ленинград, а другая — с Мехметом Шеху — побывала в Узбекистане. Тогда и я познакомился с этим крупным деятелем Албании.

Тогда же албанцы пригласили наше руководство на ответный визит. Но он все еще откладывался. То из-за проблем в нашем высшем руководстве, еще не устоявшемся после смерти Сталина, то из-за осложнений в албано-советских отношениях, то из-за большой загруженности нашего руководства. В общем, ответная поездка советской делегации состоялась лишь два года спустя. Возглавлял ее Н. С. Хрущев, Первый секретарь ЦК и Председатель Совета Министров. Я тоже был включен в состав этой делегации, как потом оказалось, в последний раз во главе с Хрущевым. Больше он меня никогда не брал с собой. С нами ехали Р. Я. Малиновский, министр обороны; Н. П. Фирюбин, заместитель министра иностранных дел; А. А. Булгаков, секретарь ВЦСПС; В. И. Иванов, посол СССР в Албании; Ф. Д. Думбадзе, секретарь ЦК Компартии Грузии; Д. Расулов, секретарь ЦК Компартии Таджикистана;

С. А. Везиров, заместитель Председателя Совета Министров Азербайджана; И. Т. Виноградов, зам. зав. отделом ЦК КПСС.

И вот 25 мая мы вылетели из Москвы. Для меня это была первая поездка в Албанию. <...>

Когда мы приземлились в аэропорту Тираны, к трапу подошли Ходжа и Шеху, в окружении своих приближенных. После очень короткого отдыха у нас с ними состоялась первая и тоже очень короткая протокольная встреча. Вечером — официальный обед и концерт.

Утром вся делегация отправилась к крестьянам в поле. Хрущеву это понравилось. Он много беседовал с полеводцами. Вечером — встреча с активом республики Албании. После приветственной речи Ходжа, который представил нашу делегацию, выступил Хрущев, поблагодаривший за искренний и дружеский прием, сердечное отношение. С восхищением говорил о природе страны, трудолюбии народа.

И тут он вдруг заявил:

— Конечно, хорошо иметь виноград, лимоны, апельсины, яблоки, разные технические культуры. Но мне кажется, вам надо перейти к массовому возделыванию кукурузы и развитию на этой основе животноводства. Причем кукуруза — это не только корм для скота, но и ценный, питательный продукт для человека.

Сказав так, он начал расписывать опыт американского фермера Гарста в штате Айова, который стал миллионером благодаря кукурузе. А в конце спросил:

— Как вы смотрите на это?

Албанский министр сельского хозяйства ответил, что страна не нуждается в зерне, скота ей тоже хватает, кормов достаточно. Но Никита Сергеевич не отступал:

— С кукурузой вы сможете выйти за рубеж, продавать зерно и зарабатывать валюту.

Атмосфера становилась напряженной. Задав два-три вопроса своему министру по поводу кукурузы, выступил М. Шеху. Он говорил о традиционной структуре сельского хозяйства страны, природно-климатических условиях, позволяющих заниматься выращиванием выгодных культур.

— Но вы все же, дорогие албанцы, подумайте, — настойчиво посоветовал Хрущев Шеху, когда тот закончил свое выступление.

Такая навязчивость, граничившая с бестактностью, оставила у большинства чувство неловкости.

Во второй половине следующего дня посетили крупный текстильный комбинат с современным оборудованием и широкой номенклатурой изделий. Пояснения давала директор. Рядом с ней находился китаец. Оказалось, комбинат построен с помощью Ки-

тая, поэтому здесь и находятся его специалисты. Познакомившись с производством, Никита Сергеевич, улыбаясь, задал вопрос:

— Что же это получается. Мы помогаем китайцам, а они — вам?

— У нас с китайскими товарищами полное взаимопонимание, — ответила директор. — Они оказывают нам помощь в налаживании производства и подготовке кадров.

В один из дней, осматривая достопримечательности города, зашли в Исторический музей. С интересом осмотрели экспозицию. В конце знакомства с музеем нам, как обычно, принесли книгу отзывов для почетных гостей. Никита Сергеевич полистал ее и передал сидевшему рядом с ним Малиновскому, чтобы он от имени делегации сделал запись. Тот быстро написал несколько строк и пододвинул книгу Хрущеву для подписи.

Сидя рядом с маршалом, я обратил внимание, что в конце записи были слова: «Да здравствует дружба советского и албанского народа!» Тихо подсказал ему, что надо бы поправить, написав — «народов». Малиновский недовольно ответил: «Сами поправьте». Никита Сергеевич внимательно прочитал и мягко сказал ему: «Вы писали, поправьте своей рукой». Малиновский раздраженно исправил. Переводчик сделал перевод, и албанцы дружно зааплодировали, хотя заминка и не осталась незамеченной.

В субботу, 29 мая, наша делегация прибыла в Дуррес, город, расположенный на живописном берегу Адриатического моря и известный еще с VII века до н. э. Здесь три года назад почти неделю провела эскадра советских военных кораблей под флагом командующего Черноморским флотом адмирала В. А. Касатонova. В составе отряда находились крейсер «Михаил Кутузов», эскадренные миноносцы «Бессменный» и «Безукоризненный».

Встретившие нас руководители города тепло вспоминали о пребывании здесь моряков. Им запомнился адмирал Касатонов. Владимир Африканович отличался высокой культурой и безупречным вниманием к окружающим.

Во время посещения этого города нашей делегацией здесь произошли события, о которых мало кто знает и которые вызвали трещину в отношениях между нами и албанцами, превратившуюся в скором времени в непреодолимую пропасть.

Советские газеты того времени писали:

«...Незадолго до начала митинга глава партийно-правительственной делегации Советского Союза Н. С. Хрущев проехал в открытой машине по улицам города. Трудящиеся восторженно приветствовали товарища Н. С. Хрущева и других членов делегации.

Начинается митинг. Его открывает первый секретарь Дурресского райкома Албанской партии труда Сами Геберо. Он предоставляет слово

тепло встреченному присутствующими члену Политбюро ЦК Албанской партии труда Гого Нуши. После него на митинг выступил член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК Нуриддин Мухитдинов...»

Далее шли полные тексты двух выступлений.

Во время митинга стоявшие на трибуне албанцы, члены нашей делегации, не обнаружив ни Хрущева, ни Ходжа, переглядываясь, спрашивали друг у друга: «Где Никита Сергеевич? Что с ним? Случилось что-нибудь?» А случилось вот что. В город Дуррес мы прибыли всем составом делегации. И действительно, как сообщили газеты, Хрущев, Малиновский, Ходжа и Шеху проехали по основным улицам города, где их восторженно приветствовали жители. Когда остановились у мэра города, Никита Сергеевич сказал:

— Как мы условились, давайте здесь разделимся. Мы посмотрим другие районы, а остальные примут участие в митинге. Вам, — обратился он ко мне, — выступать.

Для меня это было полной неожиданностью, но я вышел из положения. Оставалось немного времени, и я успел подготовиться.

Во второй половине дня мы вернулись в Тирану. Никита Сергеевич и Малиновский оказались там раньше нас. В тот день вечером наша делегация устроила прием албанским высшим кругам во Дворце бригад.

На приеме также присутствовали находящийся в Албании на отдыхе Председатель Совета Министров ГДР Отто Гротеволь и прибывший в Албанию с дружественным визитом министр обороны Китайской Народной Республики Пын Дэхуэй.

Прием прошел внешне в исключительно дружеской, сердечной обстановке.

Хрущев выступил на нем с очень краткой речью. Он сказал:

— Дорогой товарищ Энвер Ходжа! Дорогой товарищ Мехмет Шеху! Дорогой товарищ Хаджи Леши! Дорогие товарищи и друзья! Господа! Нам очень приятно еще раз встретиться с вами, поблагодарить вас за исключительное гостеприимство. Мы глубоко взволнованы и тронуты тем вниманием, которое вы оказываете нам, представителям Советского Союза. Вы создали вокруг нас такую непринужденную и братскую обстановку, что мы временами забываем, что находимся вдали от нашей Родины, и чувствуем себя среди вас, как дома. Не хватает слов, чтобы выразить нашу сердечную благодарность за те радушные встречи, за чувства братской любви к советскому народу, которые мы повсюду ощущали, общаясь с замечательным албанским народом.

Надеемся, что пребывание партийно-правительственной делегации Советского Союза в вашей стране послужит дальнейше-

му укреплению и развитию дружбы, братского сотрудничества между советским и албанским народами, между народами всех стран великого социалистического лагеря. Дружба народов социалистических стран — один из могучих источников их силы и непобедимости. Вместе с тем эта нерушимая дружба является одним из важнейших факторов укрепления мира во всем мире.

Разрешите мне, дорогие друзья, провозгласить тост за героический и трудолюбивый албанский народ и пожелать ему новых, еще больших успехов в развитии Народной Республики Албании, уверенно идущей по пути строительства социализма.

За славную Албанскую партию труда, ее Центральный Комитет во главе с товарищем Энвером Ходжа!

За правительство Народной Республики Албании во главе с товарищем Мехметом Шеху!

За Президиум Народного собрания Народной Республики Албании, за его Председателя товарища Хаджи Леши!

За дальнейшее укрепление дружбы стран социалистического лагеря!

За мир во всем мире!

Затем, тоже в теплых выражениях, но более пространно, выступил Мехмет Шеху. На этом прием завершился.

Но остались неясными многие вопросы, возникшие в ходе визита нашей делегации.

Во-первых. Мне довелось выступать на общегородских митингах 27 мая в Эльбасане и 28-го — в Сталине, центре албанской нефтяной промышленности. Оба раза присутствовал весь состав делегации во главе с Хрущевым. И оба раза он заранее предупреждал меня о выступлении, чтобы я имел возможность подготовиться. На этот раз, 29-го в Дурресе, лишь за несколько часов до начала митинга я вдруг узнал от Хрущева, что выступаю от имени делегации.

В таком же положении оказались, видимо, первый секретарь Дурресского райкома Сами Геберо и член Политбюро ЦК АПТ Гого Нуши. Им пришлось на ходу править тексты своих выступлений, строившихся на обращении непосредственно к Хрущеву. Отсутствие Хрущева произвело на многих удручающее впечатление.

Во-вторых. На нашем приеме вечером присутствовали Отто Гротеволь и Пын Дэхуэй, но ни Хрущев, ни Шеху ни словом не упомянули о них в своих речах. Представительная китайская делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПК, министром обороны КНР Пын Дэхуэем прибыла в Албанию через считанные дни после нашего приезда и все эти дни находилась в стране. Но поездки наши совершались по разным маршрутам.

Это событие дало повод некоторым говорить, не знаю — злонамеренно или искренно, что приезд в Албанию такой высокопоставленной делегации Китая вслед за советской не случаен. Этот шаг Китая демонстрирует, что за Албанией стоит большая сила. И пусть Албания уверенно чувствует себя перед советской делегацией.

И *в-третьих*. Вспомним. Никита Сергеевич всегда выступал уверенно, масштабно и темпераментно. А здесь, на приеме, говорил мало, вяло и в общих чертах. Прием устраивается Первым секретарем ЦК, Председателем Совета Министров СССР, присутствуют весь состав руководства Албании, актив, представители рабочих, крестьян, интеллигенции, армии, высокие гости из Китая и ГДР. Но ответную речь произносит Председатель Совета Министров Албании, а не Первый секретарь ЦК, присутствующий на приеме. Были и другие нюансы, на что обратили внимание не только опытные дипломаты, иностранные гости, но и сами албанцы. Мы, члены делегации, не могли уловить подлинных причин происходившего, но очень скоро, по крайней мере для меня, все прояснилось.

Утром мне передали (мы с Хрущевым размещались во Дворце, остальные члены делегации в других зданиях), что меня приглашает Хрущев. Зашел к нему. Он говорит:

— Пойдемте. Видимо, будет серьезный разговор.

По дороге присоединился Малиновский, вдвоем вошли в зал заседаний Политбюро, где уже находились также трое — Энвер Ходжа, Мехмет Шеху, Бекир Балуку — министр обороны Албании. По пути на эту встречу Никита Сергеевич спросил:

— Как провели день?

Я кратко рассказал об интересных впечатлениях.

Выслушав, он откликнулся:

— Мы тоже хорошо съездили, но у нас есть вопросы, о которых должны говорить в узком кругу. Это предложение албанских товарищей.

Первым начал разговор Мехмет Шеху, взяв сразу «быка за рога»:

— Нам совершенно непонятно высказанное вчера предложение товарища Малиновского о создании в нашем порту советской военно-морской базы. Мы воспринимаем это как проявление дискриминации, ущемление нашего суверенитета.

Никита Сергеевич спокойно возразил:

— Никто у нас об этом и не помышляет. Товарищ Малиновский просто высказал свое мнение с точки зрения военного, глядя на прекрасный, удобный порт.

Но Малиновский здесь, вместо того чтобы поддержать Хрущева, вновь стал гнуть свое:

— Если бы мы создали тут такую базу, наши корабли защищали бы и вашу, и нашу территории. В Средиземном море хозяйничает американский флот, а у нас здесь всего несколько кораблей Черноморского флота, не имеющих в этих водах своей базы.

Албанский министр громким басом парировал:

— Да, действительно, выгодная стратегическая позиция. И до вас, товарищ Малиновский, были желающие иметь здесь базу, но мы отвергли эти намерения. Мы что, колония?! Ваши корабли не только будут защищать, они, скорее, сделают нас мишенью!

Хрущев примирительно сказал:

— Этот вопрос мы в Москве и не обсуждали. Он возник вчера во время посещения порта, просто обменялись впечатлениями. Конечно, это сугубо ваше дело, и вы вольны поступать, как считаете нужным.

В разговор вступил Энвер Ходжа:

— Чуть ли не все поколения албанцев тысячелетиями боролись за независимость родины. Сейчас мы — социалистические страны. Во главе государств стоят Компартии. Разве наши взаимоотношения таковы, что одни могут командовать, а другие должны подчиняться? Мы маленький народ, но наша любовь к родине не меньше, чем у любой великой державы. Считаю неправильной саму постановку, возникновение такого вопроса.

Я не знал, что весь разговор, а точнее, перебранка возникли у них еще в порту города Дурреса. Тем не менее поддержал Хрущева в нашем искреннем отношении к Албании. Проявив выдержку, Никита Сергеевич сказал:

— Все мы высказались. Давайте ограничимся этим сугубо конфиденциальным разговором, примем к сведению и закроем вопрос.

Энвер Ходжа ответил ему:

— Ваш приезд, товарищ Хрущев, был очень полезной поддержкой для нас и народа страны. Мы безусловно можем найти взаимопонимание, особенно учитывая имеющийся еще с войны огромный опыт сотрудничества. Мы надеемся, что это сотрудничество между нашими партиями и государствами будет расширяться. А теперь пойдемте, вас ждут, народ уже собирается на митинг. Затем — прощальный прием.

Атмосфера несколько разрядилась. Все успокоились и поехали в городской совет. В торжественной обстановке мэр города зачитал Указ об избрании Н. С. Хрущева почетным гражданином города Тираны. Оттуда уехали в свою резиденцию.

Затем нас дружески проводили на Родину.

В самолете мы читали, что в «Правде» (и в других газетах) на первой странице об описанных скандальных переговорах с руководством Албании (в составе «три на три») было сказано так:

«Переговоры между партийно-правительственными делегациями СССР и Народной Республики Албании.

29 мая продолжались переговоры между партийно-правительственными делегациями СССР и Народной Республики Албании.

Делегации обменялись мнениями по ряду вопросов, интересующих обе стороны. Переговоры проходили в сердечной и дружественной атмосфере и выявили полное единство взглядов обеих сторон».

В связи с этой поездкой скажу и о своей оплошности. Это случилось после острого разговора с албанскими руководителями. До митинга еще оставалось время. Малиновский отправился переодеться, а мы с Хрущевым решили немного подышать воздухом. Он был хмур, расстроен и размышлял вслух:

— Видите, они целиком смыкаются с китайцами. С ними против нас работают. Смотрите, как ведут себя!

Желая успокоить его, я ответил Никите Сергеевичу:

— Это маленький народ. Они всю жизнь страдали от иноземных посягательств. Поэтому так щепетильны, чувствительны, ранимы во всем, что касается их независимости. Они не зря называют свою родину «страной горных орлов». Об этом еще Ленин говорил...

Не успел я закончить, как Никита Сергеевич резко повернулся ко мне и вспыхнул:

— Знаем, что говорил Ленин. Ему не пришлось самому заниматься национальным вопросом на практике. Он оставил это нам, он не сталкивался с таким высокомерием, гонором, амбициями нацменов!

Я не смог, а точнее, не мог ответить ему, и мы молча разошлись по своим комнатам.

Через несколько дней после возвращения в Москву состоялось заседание Президиума ЦК. Никита Сергеевич рассказал о поездке в Албанию, оценив ее в целом положительно. Народ, основная масса актива с нами, к нашей стране относятся тепло, по-братски, с благодарностью говорят о большой и всесторонней помощи СССР. Но чувствуется усиление влияния Китая. Албанские руководители, особенно высшие, не освободились от неправильных взглядов как по отношению к решениям XX съезда КПСС, так и к нашей политике в целом.

— У нас были, — сказал в заключение Никита Сергеевич, — конфиденциальные беседы, откровенный разговор. Мы выслушали их, и теперь нужно определить пути восстановления традицион-

ной дружбы и сотрудничества, углубления и расширения работы с Албанией.

Несколько членов Президиума высказались по информации. Затем приняли решение:

«Одобрить итоги поездки делегации во главе с Н. С. Хрущевым в Албанию и проделанную там работу.

МИДу и отделу соцстран ЦК в двухдневный срок представить проект письма от Президиума ЦК руководителям Албании с оценкой итогов поездки, отразив ее положительные результаты, с выражением признательности за теплый прием и уверенности в дальнейшем развитии двустороннего равноправного сотрудничества.

Отделу соцстран разработать и представить на утверждение Секретариата ЦК комплекс мер по всестороннему развитию сотрудничества, расширению контактов с Албанией на различных уровнях.

ГКЭС, Минвнешторгу и Госплану проверить ход выполнения взаимных советско-албанских обязательств.

Опубликовать в печати ряд статей, положительно оценивающих визит, а также материалы о советско-албанской дружбе и сотрудничестве.»

Так завершилась эта поездка. Но никто тогда в Президиуме ЦК не мог предположить о скором резком ухудшении наших взаимоотношений.

Случилось это через год с небольшим, во время проведения третьего по счету Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве⁷. С целым рядом партий тогда ЦК КПСС и наша делегация старались быть в контакте чуть ли каждый день, оказывая в то же время этим партиям* максимум внимания. Устраивались совместные поездки на предприятия, походы в театр, приемы, ужины.

6 ноября М. А. Суслов устроил в честь делегации Албанской партии труда ужин. Она была в полном составе, наша, кроме Хрущева, — тоже. Открывая застолье, Михаил Андреевич, поднявшись с бокалом в руке, произнес тост:

— У нас нет более близких, искренних друзей, чем вы, албанские друзья. Мы очень гордимся и дорожим этим. Со своей стороны будем делать все для развития и укрепления нашей дружбы, братства и сотрудничества. За ваше здоровье, дорогой товарищ Энвер Ходжа! За ваше здоровье, дорогой товарищ Мехмет Шеху, наши дорогие албанские друзья!

Мы дружно присоединились к тосту. За ужином долго и откровенно беседовали.

В те минуты никому и в голову не приходило, что пройдут считанные дни, и 25 ноября, в самый разгар Совещания, последует

* К ним относились КПК, СЧЕ, КП Кореи, АПТ и др.

бурная реакция со стороны албанских товарищей на критические высказывания в докладе Хрущева (причем ни партия, ни страна не назывались), подчеркнувшего опасность имеющихся проявлений национализма, сепаратизма, изоляционизма.

Энвер Ходжа в своем выступлении сильно критиковал руководство нашей партии и страны, буквально обрушился в его адрес с обвинениями. Ввиду такого обострения решили встретиться отдельно. С трудом согласовали, что это произойдет в узком кругу. Во время перерыва между заседаниями собрались в зале Президиума ЦК — Хрущев, Суслов, Козлов, Ходжа, Шеху. Произошла серьезная перепалка. Обстановка настолько накалилась, что в ответ на резкое высказывание Козлова Мехмет Шеху стукнул кулаком по столу и заявил, что им теперь не о чем больше говорить и делать на Совещании. Оба ушли. В тот же вечер Ходжа, Шеху, а также большинство членов албанской делегации выехали на родину. На Киевском вокзале от ЦК КПСС их провожал только Козлов. На Совещании остались два члена их делегации.

